

**ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ
ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ**

Е.И. ГАЛЯШИНА

**ЛИНГВИСТИКА
VS
ЭКСТРЕМИЗМА**

**В помощь судьям,
следователям, экспертам**

Под ред. проф. М.В. Горбаневского

Москва 2006

УДК Х347.948:070Ъ(083.13)
ББК 67.410
Г18

Утверждено к печати
Научно-методическим советом
при Правлении Гильдии лингвистов-экспертов
по документационным и информационным спорам

*Издано при содействии Группы компаний «Экскалибур»
www.excalibur-group.ru*

Г18 Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / Под ред. проф. М.В.Горбаневского. – М.: Юридический Мир, 2006 г. – 96 с.

Книга посвящена одной из важных форм противостояния общества экстремизму и его крайнему проявлению – терроризму. В ней описываются данные социально опасные явления, их отличительные свойства и основные особенности, анализируется современная нормативно-правовая база борьбы с ними. Однако главное достоинство работы состоит в том, что она знакомит читателя с основными вопросами, возникающими в практике назначения и производства лингвистических экспертиз экстремистских материалов, дает рекомендации по назначению, проведению, оценке заключений судебных лингвистических экспертиз разнообразных текстов, подозреваемых и квалифицируемых прокуратурой и судом в качестве экстремистских материалов.

Книга адресована в первую очередь судьям, работникам прокуратуры, адвокатам, экспертам, а также широкому кругу работников СМИ: журналистам, редакторам, издателям. Одновременно она будет интересна студентам и преподавателям российских вузов – как юридических, так и филологических специальностей.

Автор книги Е.И.Галяшина – ведущий российский эксперт, доктор филологических наук и доктор юридических наук, академик РАЕН, профессор Московской государственной юридической академии (МГЮА), полковник МВД в отставке, действительный член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам.

УДК Х347.948:070Ъ(083.13)
ББК 67.410

ISBN 5-85597-064-7

- © Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, 2006 г.
- © Галяшина Е.И., 2006 г.
- © Горбаневский М.В., отв. ред., 2006 г.
- © Издательство «Юридический Мир», оформление, 2006 г.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ЧАСТЬ 1. Словесный экстремизм как явление	7
ЧАСТЬ 2. Нормативно-правовая основа противодействия словесному экстремизму	21
ЧАСТЬ 3. Использование специальных лингвистических знаний для установления фактов словесного экстремизма	41
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	78
ПРИЛОЖЕНИЕ. Пример экспертного заключения ГЛЭДИС	80

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Человеческой душе свойственно питать ненависть к тем, кому мы нанесли оскорбление».
Тацит.

Представляю Вам новое научно-методическое издание «Лингвистика vs¹ экстремизма» Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), надежным и эффективным партнером которой вот уже пять лет является возглавляемая мной Группа компаний «Экскалибур».

В преамбуле договора о сотрудничестве с ГЛЭДИС зафиксировано, что мы руководствуемся общим пониманием того, что происходящие в стране политические, экономические и социальные реформы на фоне развития идей гласности и прав человека создают общественную потребность в профессиональном применении русского языка в рамках правового урегулирования конфликтных ситуаций между людьми. Это особенно ярко проявляется в острых дискуссиях по политическим, экономическим и иным проблемам (документационные споры), в том числе нашедших отражение в печатных и электронных средствах массовой информации (информационные споры), а также и в повседневной жизни. Мы также отметили возрастающее количество гражданских исков о защите чести, достоинства и деловой репутации, уголовных дел об оскорблении и клевете, арбитражных споров о толковании разделов текстов и отдельных слов и словосочетаний.

Стороны также обратили внимание на необходимость объединения усилий экспертов-лингвистов в рамках унификации методики лингвистических экспертиз текстов СМИ, правовых характеристик лингвистической экспертизы конкретных документационных и информационных споров, ускоренной разработки законодательных актов, имеющих отношение к свободе слова, получению и распространению информации, а также защите прав граждан Российской Федерации в информационном пространстве.

Современная противоречивая эпоха предъявляет мировому сообществу новые вызовы, среди которых одно из первых мест занимает борьба с терро-

¹ VS – от латинского VERSUS, т.е. «против», специфическая юридическая аббревиатура.

ризмом. Эти проявления, получившие, к сожалению, широкое распространение в России, провоцируют нестабильность в обществе, способствуют ослаблению государственности, порождают в отдельных субъектах нашего государства сепаратистские настроения и создают для политических экстремистов благоприятную возможность для реализации их противоправных целей и задач.²

За годы службы мне довелось быть свидетелем тягчайших преступлений экстремистов и участником ликвидации их последствий. Эта трагедия оставила на моем сердце незаживающий след.³

8–10 декабря 2005 года в г. Москве, при поддержке Администрации Президента Российской Федерации, Правительства Москвы, с участием Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и других заинтересованных ведомств, состоялся Второй Международный антитеррористический медиафорум, направленный на дальнейшее объединение усилий общества, власти, средств массовой информации и бизнеса в противодействии опасностям и угрозам нашего времени. В столице для обсуждения важнейших вопросов собрались политики, бизнесмены, специалисты различных структур безопасности, представители СМИ, деятели культуры. Медиафорум-2005, по замыслу организаторов, стал значимым фактором выстраивания общественных и информационных приоритетов в новых условиях, послужил формированию более четких позиций, уточнению взглядов общественных и творческих сил по отношению к реальным вызовам времени. В своем приветствии участникам Медиафорума-2005 Президент России В.В. Путин высказался очень точно и принципиально, подчеркнув, что «безопасность и прогресс наших стран, благополучная жизнь миллионов граждан напрямую зависят от того, насколько эффективно мы сможем противостоять пропаганде национальной и религиозной нетерпимости». «Именно вы – представители СМИ, деятели культуры – своим словом и авторитетом способны внести реальный вклад в укрепление доверия между людьми, оказать содействие выработке стойкого общественного неприятия любых проявлений экстремизма и ксенофобии», – отметил В.В. Путин.

Ветераны российских правоохранительных органов и спецслужб, работающие в Группе компаний «Экскалибур», осуществляющей частную охранную деятельность, решили поддержать Гильдию лингвистов-экспертов по документальным и информационным спорам, созданную и возглавляемую известным рос-

² Белянский А.А. Экстремизм в России (сравнительно-социологический анализ по Саратовской области и Краснодарскому краю). – В кн.: Организованная преступность и коррупция: результаты криминолого-социологических исследований. – Саратов, 2005, с. 109.

³ Каширских Вениамин Владимирович. Родился в 1945 году. Трудовую деятельность начал в 1961 году в качестве рабочего. Окончил МВТУ им. Н.Э Баумана. Работал в оборонной промышленности инженером. С 1969 по 1995 год проходил военную службу в органах государственной безопасности. Прошел путь от младшего лейтенанта до генерал-лейтенанта. Является «Почетным сотрудником контрразведки».

ЛИНГВИСТИКА VS ЭКСТРЕМИЗМА

6 сийским ученым-лингвистом профессором Михаилом Викторовичем Горбаневским, в ее планах по изданию актуальной и весьма полезной книги «Лингвистика vs экстремизма». Ее автором является один из лучших российских экспертов-лингвистов Елена Игоревна Галяшина, в недавнем прошлом ответственный сотрудник МВД РФ, полковник, дважды доктор наук – филологических и юридических, академик РАЕН, действительный член ГЛЭДИС, профессор новой кафедры судебных экспертиз Московской государственной юридической академии.

Выход этой книги в свет фактически является нашим совместным с ГЛЭДИС конкретным ответом на призыв, содержащийся в резолюции межведомственной научно-практической конференции «Актуальные проблемы обеспечения специализированных экспертных исследований (социально психологических, психо-лингвистических и др.) по вопросам, связанным с экстремистскими проявлениями», прошедшей в прокуратуре г. Москвы 14 декабря 2005 года. В резолюции говорится:

«Криминальная обстановка в г. Москве характеризуется тенденциями к увеличению количества проявлений таких форм экстремистской деятельности, как возбуждение расовой, национальной или религиозной вражды, унижение национального достоинства; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признакам их отношения к религии, социальной, расовой, национальной или языковой принадлежности; публичные призывы к совершению указанных действий.

При этом все чаще используются самые изощренные и завуалированные способы указанных деяний, которые выражаются в публичных выступлениях, печатных, видео и аудиовизуальных и иных материалах, что существенно затрудняет установление их истинной смысловой направленности и восприятия без оценки специалистов, профессионально владеющих познаниями в области социальной психологии, лингвистики и других смежных областей. Отсутствие в системе государственных экспертных учреждений соответствующих направлений судебной экспертизы негативно влияет на эффективность использования и применения правового механизма по противодействию и профилактике экстремистской деятельности.»

Очевидно, что в этой связи возрастает роль и экспертов-лингвистов, чьи знания и опыт стали сегодня так востребованы следственными органами, судебной системой страны, правоохранительными структурами и спецслужбами, противостоящими экстремизму.

В этой связи Группа компаний «Экскалибур» с большим удовлетворением представляют Вам, дорогой читатель, новую книгу ГЛЭДИС «Лингвистика vs экстремизма», участие в выпуске которой в свет мы считаем для себя честью.

В.В.КАШИРСКИХ,

Президент Группы компаний «Экскалибур»,
генерал-лейтенант ФСБ запаса

ЧАСТЬ 1.

Словесный экстремизм как явление

«По-настоящему война никому не нужна, но многим нужна ненависть».

Макс Фриш

Актуальность исследования феномена экстремизма не нуждается в особом обосновании. Многие специалисты проводят исследования детерминантов этого явления, однако большинство из них обращается в основном к политико-правовым и социально-экономическим факторам, хотя в лингво-культурологической и коммуникативной сфере также коренятся причины экстремистских проявлений. Поэтому в этой работе мы хотим обратиться к особому виду экстремистской деятельности – словесному экстремизму.

В декабре 2004 года в Верхней Пышме (Южный Урал) на зданиях почты, парикмахерской и на территории рынка появились листовки с текстом: «Братья славяне! Оглянитесь вокруг! Что происходит с нашей страной и городом? Нас захлестнула волна незаконной эмиграции! Сотни приезжих к нам начинают захватывать и порабощать Русь! Давайте прекратим этот террор белого населения, выгоним их из нашего города».

По данному факту прокуратурой возбуждено уголовное дело по (здесь и далее указывается на действующую на тот момент редакцию ст. УК РФ – отв. ред.) статье 282 УК РФ «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды». Листовки были направлены на психолингвистическую экспертизу, где подтвердилось, что тексты действительно призывают к межнациональной вражде. Городской суд приговорил виновного к 6 месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении⁴.

11 ноября Промышленный райсуд Самары вынес приговор в отношении четырех членов организации «Хизб ут-Тахрир Аль Ислами». Они обвинялись

⁴ 26.10.2005 17:16| ИА REGNUM.

ЛИНГВИСТИКА VS ЭКСТРЕМИЗМА

8

в разжигании национальной и религиозной вражды, попытке установления халифата на территории области и подрыве авторитета ныне действующей власти, по статьям 205 («Терроризм»), 282 («Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды»), 222 («Хранение боеприпасов») УК РФ. В частности, им вменялось в вину тиражирование и распространение литературы, направленной на разжигание межнациональной розни и подрывающей авторитет действующей законодательной и исполнительной власти, что было установлено политолого-лингвистической экспертизой литературы, обнаруженной у подсудимых. С целью распространения своих идей и привлечения в организацию новых членов обвиняемые встречались с прихожанами саратовской мечети, приглашали на беседы и раздавали эту литературу. Один из подсудимых был оштрафован на 2,5 тыс. рублей, остальные получили сроки от 11 месяцев до 5 лет лишения свободы.

В региональном еженедельнике «Московские ворота» № 28 (334) за 18–25 июля 2005 года опубликована статья «Техника этнической безопасности» информационного агентства «Rne.org», в тексте статьи которой, согласно заключению лингвистической экспертизы, имеются высказывания, которые можно расценить как направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства группы лиц по признаку национальности. Там же указывалось, что действия Главного редактора газеты «Московские ворота» Кулебякина И.В. в соответствии с Законом РФ «О противодействии экстремистской деятельности» могут содержать признаки экстремистской деятельности. Руководствуясь Федеральным законом «О прокуратуре РФ», прокуратура г. Обнинска вынесла предостережение главному редактору газеты «Московские ворота» о недопустимости нарушения ст. 19 Конституции РФ, закона РФ «О средствах массовой информации».

Во всех этих примерах мы сталкиваемся со словесным экстремизмом в текстах СМИ, которые начинены вербальными ксенофобными минами, шовинистскими словесными залпами в адрес иноверцев или инородцев, поражающие действие которых, поскольку они нацелены на массовую аудиторию, сравнимо с оружием массового поражения.

Магическая сила человеческой речи заключается не только в умении аргументировать и дискутировать, но и акцентировать и пропагандировать, руководить действиями других людей путем выставления унижительных или положительных оценок, вынесения суждений, выгодной манипуляции или эффективной мотивации. Особенно это касается средств массовой информации, которым крайне сложно соблюсти принцип «политкорректности» - реального обеспечения каждому подлинной возможности самовыражения без нарушения прав и ущемления достоинства других лиц.

Как справедливо отметил юрист Б.Н. Пантелеев: «В некоторых случаях именно политкорректность становится **единственно возможным механизмом** (выделено авт.) предотвращения больших социальных потрясений и сдерживания эскалации межнациональных конфликтов. Особенно это касается освещения в российских СМИ модных ныне исторических открытий и исследований по национальной проблематике. Не раз уже мы имели печальную возможность убедиться, сколь хрупок наш многонациональный дом и как легко возникают, а затем тлеют веками конфликты на этой почве!»⁵.

Само определение экстремизма трактуется в литературе [от лат. *extremus* крайний] как приверженность к крайним взглядам и мерам, главным образом в политике^{6,7}.

Сложная общественно-политическая обстановка в современной России заставляет самых разных исследователей вновь и вновь обращаться к проблеме противодействия экстремизму и его наиболее общественно опасной форме – терроризму. Однако борьба с экстремизмом не даст ощутимых результатов, если не будут выявлены и устранены причины, его порождающие. Они разнообразны для нашего многонационального и многоконфессионального государства, но корни его лежат в обострении социально-политических и экономических противоречий, порождающих конфликты в обществе и вызывающих их разрешение насильственным путем. «Пока не будет ликвидирована питательная почва для роста очагов социальной напряженности, экстремистская деятельность будет продолжать порождать террор и вербовать себе новых сторонников»⁸.

Экстремизм – это приверженность к крайним взглядам и мерам, но что лишает общественное сознание «духа терпимости и понимания», толерантности и толкает его на крайности? Думается, что в современной России это – социально-экономические кризисы, деформация политических институтов, падение жизненного уровня населения и терпимости общественного сознания. Социальную базу экстремизма сегодня составляют наиболее маргинальные слои националистических и религиозных движений, недовольные существующим политическим и государственным устройством. Экстремизм – это не только межнациональные и межконфессиональные идеологические конфликты, но и массовые беспорядки, хулиганские действия и акты вандализма, совершаемые в силу идеологических, политических, расовых, национальных причин или рели-

⁵ Пантелеев Б.Н. Политкорректность как условие выживания//Татарский путь: Права народа и политкорректность. – Казань: Магариф, 2003, с. 55.

⁶ Новейший словарь иностранных слов и выражений. - Мн.: Харвест, - М.: АСТ, 2001, с. 936.

⁷ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1976, с. 408.

⁸ Устинов В. Создавать общегосударственную систему предупреждения и пресечения экстремизма.// Российская юстиция, 2003, № 1, с. 52.

гиозной ненависти либо вражды, в том числе и в отношении какой-либо социальной группы, а также пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан в силу социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности. Основными причинами роста экстремистских настроений, по-видимому, являются последствия ломки жизненных устоев и стереотипов, которую переживает Россия в последние десятилетия, в результате чего многие граждане потеряли свое прежнее устойчивое положение. Пропагандистский аппарат СССР ориентировал народные массы на борьбу с классовыми, внешними и внутренними врагами. После развала СССР массовая миграция из республик Средней Азии и Закавказья сопровождалась столкновением различных культур и менталитетов, а несовершенная миграционная политика способствовала росту негативного отношения к приезжим. По мнению многих специалистов, отсутствие грамотной общегосударственной стратегии противодействия ксенофобии и активности национал-радикалов привело к тому, что в массовом сознании происходило искаженное обобщение отрицательных черт отдельных представителей тех или иных народов, которые переносились на всех представителей этих народов. Немалую роль в этом сыграли, вероятно, и античеченские пропагандистские кампании во время последних военных действий в Чечне.

На этом этапе для российского общества особенно характерно обострение деструктивной конфликтности, усиление роста социальной напряженности и повышение градуса агрессии во всех сферах общественных отношений. Социологические исследования показывают, что в стране медленно, но неуклонно начинает прорастать махровый экстремизм – на почве воинствующего шовинизма, ксенофобии, религиозной нетерпимости, антисемитизма, расизма и социальной конфликтности.

Заметим, что отечественному массовому сознанию вообще свойственна негативная модель самоидентификации⁹. Позитивная модель национальной самоидентификации («мы – хорошие, добрые, культурные и т.п.»), как известно, стабилизирует общество и обеспечивает высокий уровень толерантности, а негативная («они – плохие, злые, агрессивные и т.п.») способствует росту ксенофобии и озлобленности. Ксенофобские эмоции начинают эксплуатироваться под видом намерения консолидации населения (в литературе этот процесс принято называть термином «этническая мобилизация»), действуя «от противного» через формирование образа врага (зачастую – мифического), имеющего ярко выраженный этнический оттенок (актуализируя антисемитские или антикавказские настроения). В коллективном сознании со всей очевидностью проявляются тревожные тенденции толерантного от-

⁹ Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. /Под ред. Верховского А. – М.: Панорама, 2002.

ношения к терроризму, в обществе хоть и незначительно, но увеличивается число тех, кто склонен оправдывать в некоторых случаях террор, кто причисляет террор к злу, с которым можно идти на компромисс¹⁰.

И хотя никто из респондентов не считает борьбу с терроризмом неактуальной, но со всей очевидностью отмечается рост числа тех, кто полагает актуальность этой борьбы преувеличенной¹¹, а образ террориста далеко не пугающим. В общественном сознании превалирует мнение, что современный террорист – это мужчина в возрасте 30–40 лет, не состоящий в браке, безработный, имеющий разный уровень интеллекта (от низкого и среднего до высокого), чаще всего он вне национальности (но есть и такие, кто смешивает национальность и религиозную принадлежность, полагая, что – это лица кавказской национальности и мусульмане), обладает ярко выраженными волевыми качествами: целеустремленностью, упорством в достижении цели, фанатичностью (вплоть до самопожертвования), решительностью, а также легкой внушаемостью (кроме лидеров террористических организаций).

Среди ценностных качеств, по мнению опрошенных, у террористов преобладает стремление к достижению позитивной (естественно, в собственных глазах террориста) цели (религиозной, нравственной, государственной, национальной идеи). Преобладающим же мотивом сегодня в террористической деятельности в России является экономический мотив (это – бизнес) – по мнению 53% опрошенных, политический мотив (борьба за власть) – 38,1%, национальный вопрос – 20, 2% и религиозный (13,0%). Распространено также мнение, что террористами становятся лица с садистскими наклонностями, занимающиеся насилием ради насилия (13%)¹².

Так, например, по данным Московского бюро по правам человека, в первом полугодии 2005 г. уровень ксенофобии и мигрантофобии в России был высоким¹³. Численность приверженцев ксенофобных лозунгов колебалась от 50 до 60%. Среди наций и народов, вызывающих неприязнь, раздражение, называются в подавляющем большинстве – чеченцы (14,8%), азербайджанцы (5,1%), армяне (4,1%), кавказцы в целом (6,0%), цыгане (5,1%), евреи (2,5%). Около 40% населения сомневаются, что миграция полезна для экономики или сможет выправить демографическую ситуацию. Более 60% опа-

¹⁰ Организованная преступность и коррупция: результаты криминолого-социологических исследований. Выпуск 1 / Под ред. Проф. Н.А. Лопашенко. Саратов, Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции: Сателлит, 2005, с. 5.

¹¹ Там же с. 6.

¹² Там же с. 6–7.

¹³ Чарный С. Расизм, ксенофобия, этническая дискриминация, антисемитизм в России (январь–июнь 2005 г.) Аналитический доклад Московского бюро по правам человека = -[http:// www.antirasizm.ru](http://www.antirasizm.ru)

саются ухудшения криминальной обстановки и боятся, что приезжие могут отобрать рабочие места у местных жителей. Почти 70% согласны поддерживать въезд в страну русского и русскоязычного населения, ограничивая иммиграцию представителей других национальностей.

Всего за рассматриваемый период в результате преступлений на почве национальной ненависти погибло 10 и пострадало не менее 200 человек. Количество погибших почти на треть меньше, чем в соответствующий период 2004 г.

Совершенно новым явлением стало использование ксенофобной риторики в текстах предвыборной агитации, размещение в Интернете анонимных статей с угрозами правозащитникам, вывешивание на электронных досках объявлений черных списков «врагов народа», «пропагандирующих несовместимые с выживанием русского народа ценности, занимающих русофобскую позицию, сторонников активизации миграционных процессов», публикация на веб-сайтах списков ученых и правозащитников, которые обвиняются в шпионаже, а также активность правых радикалов-крекеров в Интернете, организация массовых атак на веб-сайты хакерами-националистами и другие акты противоправной деятельности.

Катастрофогенный размах угрозы государственной безопасности объективно поставил перед правоохранительными и судебными органами задачу поиска принципиально новых подходов в борьбе с экстремизмом и его словесными проявлениями в массовой коммуникации как явлением. Актуальным становится действие на опережение, на уничтожение в зародыше наиболее общественно опасных проявлений экстремизма, их предупреждение и профилактика, а не только борьба с последствиями в виде массовых беспорядков и террористических актов.

Это тем более важно, что в общественном сознании растет неверие в «органы», большинство респондентов считает, что рассчитывать в опасной ситуации можно только на себя, так как защита населения правоохранительными органами не обеспечивается, а меры безопасности, применяемые государственной властью в сфере борьбы с терроризмом, людям представляются недостаточными¹⁴.

Такие настроения провоцируют нестабильность в обществе, порождают в отдельных субъектах Российской Федерации сепаратистские настроения и создают для фашиствующих элементов и «политических экстремалов» благоприятную среду для реализации своих целей и задач, представляющих опасность для общества. Это позволяет апелляциям и требованиям, содер-

¹⁴ Организованная преступность и коррупция: результаты криминолога - социологических исследований. Выпуск 1. /Под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции: Сателлит, 2005, с. 7–8.

жащимся в ксенофобной риторике, инициировать противоправные действия, и именно это является ее основной функцией.

В информационную эпоху словесные проявления экстремизма (распространение определенных идей) являются не менее, а часто более общественно опасными правонарушениями, чем «традиционные». Отсутствие при экстремистских словесных правонарушениях обычных потерпевших не должно приводить к выводу, что они суть простые проявления плюрализма мнений, к смешению составов ст. 130 УК РФ «Оскорбление» (пусть по национальному признаку) и ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

Однако нетерпимость уже давно стала уделом не только маргиналов, но и вполне уважаемых СМИ. Еще в 2000 г. группа общественных организаций провела анализ количества и качества публикаций, содержащих ксенофобные (по мнению авторов проекта) высказывания в федеральных и региональных СМИ. Тогда и было предложено использовать термин «язык вражды» (от английского hate speech – речь ненависти), под которым стали понимать любые некорректные высказывания в адрес этнических и конфессиональных групп – от самых жестких, по сути, криминальных (таких, как открытые призывы к насилию) до самых мягких (как унижительные прозвища или шутки). Была разработана специальная методика, по которой отбирались и систематизировались эти материалы¹⁵.

Однако при их анализе возникает ряд вопросов.

Действительно ли «язык вражды», как метастазы раковой опухоли, уже полностью поразил все российские СМИ, как электронные, так и печатные, включая и значительную часть тех, что числят себя демократическими?

Можно ли в принципе искоренить «язык вражды» и тем самым предупредить словесный экстремизм, выявить и диагностировать его первые ростки, порождающие межнациональные и межконфессиональные войны и идеологические конфликты?

Можно ли ориентироваться сначала на предупреждение словесного экстремизма, а затем уже на репрессии, принимая крайние меры и ограничивая свободу самовыражения людей?

При существовании определенного вакуума устойчивых представлений о профессионально правильном, социально принятом и этически допустимом освещении в СМИ темы межэтнических и межконфессиональных отношений у значительной части представителей российской прессы, можно ли показать самим журналистам, где проходит та грань между свободой слова и злоупотребления ею, которая может граничить с преступлением?

¹⁵ Казаков Ю.В. Язык вражды и свобода слова. Межэтническое и межконфессиональное в российских СМИ как проблемное поле. / Профессиональная этика журналиста: Рабочие материалы. В 2-х частях. – М.: Галерея, 2003.

Как журналистам реализовывать свое право на получение информации и освещение острых и злободневных тем, и «не подставиться», не дать повода для уголовного или административного преследования, избежать использования гражданско-правовых форм защиты прав граждан для сведения счетов с неугодными журналистами, «в печенках сидящими» у местных властей, не допустить преследования их за инакомыслие и критику?

Безусловно, за словесный экстремизм ответственны не только журналисты или редакция СМИ, которые транслируют неосторожные высказывания политиков и чиновников. Сложным остается и вопрос о том, являются ли СМИ зеркалом, отражающим ксенофобные настроения общества, или же инструментом для формирования таких установок. Неточная или акцентированная трансформация СМИ официальной криминальной статистики в криминальной хронике может создавать устойчивый стереотипный образ «преступника» – инородца. Так, например, официальное заявление руководителей столичной милиции о том, что «45% преступлений в Москве совершают приезжие, причем в основном из области и близлежащих регионов» через несколько дней в пересказе отдельных СМИ превратилось в информацию о том, что «45% преступлений совершают нелегальные мигранты», а затем в «50, и даже 61% "преступлений инородцев"».

Если в криминальной хронике изо дня в день говорить и писать, что «в деле прослеживается чеченский след», то мысль о потенциальной криминальности «чеченского народа» может прочно закрепиться в сознании слушателя или читателя.

К счастью, тема «языка агрессии, ненависти и вражды» все активнее обсуждается не только экспертами, но и самими журналистами, которые все отчетливее начинают осознавать свою ответственность за написанное и произнесенное слово. В одной из телепередач журналистка Ольга Романова совершенно правильно отметила: «Сегодня произнесешь слово "теракт", как завтра начнется война против чеченцев, а на самом деле это была локальная криминальная разборка. И эти покалеченные люди будут на твоей совести».

Так можно ли дать правоохранительным органам надежный, научно обоснованный и проверенный «детектор» экстремистской заразы, поражающей такую тонкую саму по себе сферу общественных отношений как языковое общение людей, где каждое слово может стать как оружием массового поражения, так и инструментом вынужденной защиты от словесной агрессии, способным поставить на место зарвавшихся демагогов и критиканов от политики?

Не на все вопросы, к сожалению, сегодня есть ответы. Но кое-что начинает меняться.

В последнее время произошла активизация правоохранительных органов в борьбе с экстремизмом, включая и борьбу с экстремистскими материалами СМИ. Федеральное агентство Росохранкультура весной 2005 г. вынесло несколько предупреждений различным СМИ за распространение ксенофобных материалов.

На фоне демократизации и реформирования законодательства для привлечения виновных к ответственности при усилении противодействия со стороны «псевдопатриотов» требуется процессуально грамотное закрепления доказательств и расширение доказательственной базы. Это, в свою очередь, вынудило правоприменителя обратиться за помощью к специалистам разного профиля – политологам, социологам, психологам и лингвистам. При этом крайне важно, что Генеральная прокуратура РФ вопросам противодействия криминальной ксенофобии средствами правового реагирования придает сегодня особое значение¹⁶.

Но может ли современная наука дать практике новые – более действенные средства и методы анализа, выявления, диагностики не только явно выраженного махрового словесного экстремизма, но и того, кто прикрывается красивыми одеждами словесной эквилибристики? Ведь возможности и богатство русского языка неисчерпаемы для усиления эффективности неявного действия аргументативных цепочек, искусно отвлекающих массы от собственных проблем.

Какие же нужны специальные знания и кого можно привлекать в качестве профессиональных экспертов в такой сложной области человеческих отношений, опосредованных языком и речью? И всегда ли нужна экспертиза по таким делам?

Так, например, 04 февраля 2005 г. следователь Ж-ой районной прокуратуры г. Красноярск вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 282 УК РФ по факту публикации в «Красноярской газете» статей антисемитского характера. Следователь, не назначая экспертизы, предпочел согласиться с объяснениями авторов статей, что они не собирались разжигать национальную вражду, а выражали свое личное отношение к евреям и сионизму, который был признан ООН одной из форм расизма, а слово «жид» «использовалось классиками русской, литературы... и является польским произношением слова «иудей».

По другому делу, Тихвинский городской суд Ленинградской области, рассмотрев в открытом судебном заседании по представлению Тихвинского городского прокурора гражданское дело об установлении наличия признаков экстремистской деятельности в информационных материалах, изъятых у Волкова В. А., согласился с выводами экспертизы и признал часть изъятых у Волкова В.В. материалов экстремистскими.

¹⁶ См. Приказ Генерального прокурора РФ «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательства, направленного на противодействие проявлениям фашизма и иных форм экстремизма» № 25 от 29 апреля 2002 г.

Согласно заключению экспертизы, пропаганда и демонстрирование законодательно запрещенной нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, в вещественных доказательствах не обнаружены. В исследованных печатных материалах используется символика как оформительский элемент, в том числе свастика в шпигеле газеты, вызывающая ассоциации с нацистской символикой; в публикациях есть унижительные характеристики конкретных лиц, которые авторы относят евреям; отдельные тексты формируют негативный этнический образ чеченцев, евреев, представителей других национальностей, унижают национальное достоинство, что дает основание признать эти материалы экстремистскими.

Кинофильм «Вечный жид», согласно заключению экспертов, можно отнести к экстремистским материалам, поскольку он обосновывает и оправдывает национальное превосходство арийцев над еврейской нацией, а также практику насильственного сосредоточения евреев в специальных местах изоляции – гетто, которые, как известно, были связаны с проведением массовых репрессий и физическим уничтожением их обитателей. Другие фильмы к таким материалам отнесены быть не могут, поскольку не содержат прямых призывов или аргументации в пользу превосходства одной нации над другой, массовых репрессий и др.

Оценивая исследованные доказательства в совокупности, суд установил наличие признаков экстремистской деятельности в газете «Для русских людей», в видеокассете с записью фильма «Вечный жид», отнеся их к экстремистским материалам по признакам возбуждения национальной и религиозной розни, пропаганды превосходства одних и неполноценности других граждан в зависимости от их национальной и религиозной принадлежности.

Из приведенных примеров со всей очевидностью вытекает, что для правильной квалификации противоправных деяний, связанных с возбуждением ненависти и вражды, нельзя опираться на мнение только «наивных» носителей языка, в качестве которых иногда выступают сами следователи и дознаватели, а требуется привлечение профессиональных специальных знаний в той области науки, которая занимается языком и речью. Отсутствие в уголовных делах, возбуждаемых по ст.ст. 280, 282 УК РФ, заключений судебных экспертов должно, по нашему мнению, рассматриваться как основание для вывода о том, что доказательства, собранные по делу, являются недостаточными для его разрешения по существу. А это означает, что пришла пора, когда нужно, чтобы материалы массовой коммуникации, вовлекаемые в подобные конфликты, обязательно подвергались судебной экспертизе.

Для этого следователь, прокурор, суд должен четко представлять, какую экспертизу назначать, какие вопросы ставить на ее разрешение. Ясно, что

при производстве судебной экспертизы должны решаться вопросы, относящиеся к сугубо специальным знаниям. Судебный эксперт не вправе подменять органы дознания, следствия, суд и определять наличие или отсутствие призывов к осуществлению факта экстремистской деятельности или факта возбуждения вражды или ненависти по национальному или иному социальному признаку, а также обстоятельства, требующие правовой оценки и юридической квалификации.

Представляется, что при подозрении о наличии в высказывании объективных признаков словесного экстремизма (призывов или направленности на возбуждение ненависти и вражды по признакам социальной принадлежности) необходимо обязательно привлекать профессиональные специальные знания судебного эксперта-лингвиста, что поможет избежать произвольного и нередко ошибочного толкования правоприменителем ксенофобных высказываний в средствах массовой коммуникации¹⁷.

Если проблемы профессиональной этики журналистов, вопросы соотношения социального согласия и правого экстремизма как его антипода, психолого-правовые характеристики состава ст.ст. 280, 282 УК РФ, правовые и психологические основания ответственности за преступления такого рода в той или иной мере нашли свое отражение в научной литературе¹⁸, то о роли специальных лингвистических знаний в установлении фактов, имеющих значение судебных доказательств по делам, в которых усматриваются проявления словесного экстремизма, литература крайне разрозненна, неполна, методологически и методически противоречива.

На практике лингвистические знания по делам, связанным со словесным экстремизмом, нередко используются как вторичные, часто в качестве некоего дополнения к психологическим и социальным, политическим и юридическим. Не оспаривая и не умаляя значимости других отраслей науки в таком сложном и тонком вопросе как межнациональные, межконфессиональные, межсоциальные отношения, здесь мне представляется важным рассмотреть данную проблему именно с позиции лингвистической экспертизы, базирующейся на ФИЛОЛОГИИ – той науке, которая изучает «СЛОВО». Ведь специальные знания именно филологической науки, лингвистики могут дать возможность не только для первичной диагностики текста на предмет наличия в нем речевых деликтов, но и для их интерпретации, равно как и для установления авторства анонимных текстов экстремистской направленности.

¹⁷ Методические рекомендации./ Институт проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Российской Федерации. № 27-19-19 от 29 июня 1999, – М., 1999.

¹⁸ Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика. /Под ред. А.Р. Ратинова. – М.: Юрлитинформ, 2005.

Именно судебная лингвистическая экспертиза как род экспертной деятельности, по нашему мнению, призвана устанавливать все необходимые обстоятельства и факты, которые имеют значение доказательств для правовой квалификации тех или иных высказываний (текстовых материалов) в качестве экстремистских материалов.

При этом нельзя не отметить и еще один момент. При значительной потребности правоохранительных органов в привлечении специальных филологических (лингвистических) знаний (как в отдельности, так и в составе комплексных экспертных исследований), анализ экспертной практики показывает отсутствие единых методологических положений, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных различными экспертами выводов на базе «общепринятых научных и практических данных» (так, как этого требует ст. 8 «Объективность, всесторонность и полнота исследований» Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹⁹). При том, что ст. 11 этого же закона диктует, что государственные судебно-экспертные учреждения одного и того же профиля осуществляют деятельность по организации и производству судебной экспертизы на основе **единого научно-методического подхода** к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов.

Конечно, тому есть объективные причины, так как сегодня мы присутствуем на завершающей стадии становления судебной лингвистической экспертизы, которая за последние годы оформилась как самостоятельный род судебных экспертиз, относящийся к классу судебно-речеведческих экспертиз²⁰. Из разряда явлений эпизодических лингвистическая экспертиза перешла в разряд экспертиз, которые если не де-юре, но де-факто становятся чрезвычайно необходимыми по таким категориям дел, где без привлечения специальных лингвистических познаний невозможно или затруднительно установить состав преступления, совершаемого посредством устной или письменной речи.

Пока основная масса судебно-лингвистических экспертиз по делам, связанным со словесным экстремизмом, выполняется лицами, не имеющими судебно-экспертной подготовки (журналистами, филологами, преподавателями вузов). При этом качество экспертных заключений бывает весьма низким, они нередко изобилуют ошибками и неточностями. Зачастую суды во-

¹⁹ Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (в редакции Федерального закона от 30 декабря 2001 г. № 196-ФЗ).

²⁰ Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения / Под ред. М.В. Горбаневского. – М.: СТЭНСИ, 2003. с. 22-39; Галяшина Е.И. Понятийные основы судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах. Материалы научно-практического семинара. Ч. 2. – М.: Галерея, 2003, с. 48–64; Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М.: НОРМА, 2005, с. 371–393.

обще отказываются рассматривать эти заключения как доказательства. Ученые-языковеды (как правило, это преподаватели вузов, не являющиеся сотрудниками государственных судебно-экспертных учреждений, но назначенные по конкретному делу судебными экспертами) не всегда четко представляют круг своих экспертных обязанностей и ответственность за сформулированные выводы, иногда не видят судебной перспективы сделанных ими умозаключений и суждений. Нередко смешиваются задачи теоретических, поисковых научных изысканий и практической экспертной деятельности по установлению фактов, имеющих значение судебных доказательств. В их заключениях часто фигурируют непроверенные версии, домыслы, гипотезы и догадки, субъективные мнения, которые могут быть приемлемы для научной дискуссии, но не годятся в качестве выводов экспертизы.

Значение заключения, выполненного профессиональным экспертом-лингвистом, трудно переоценить, ведь фактические данные, полученные путем экспертного исследования, не могут быть отражены ни в каком процессуальном документе, кроме заключения эксперта. И хотя в соответствии с процессуальным законодательством экспертное заключение не имеет никаких преимуществ перед другими доказательствами и по общему правилу должно оцениваться в совокупности с ними, роль его в установлении истины по таким категориям дел значительна.

Анализируя практику назначения и производства судебно-лингвистических экспертиз можно констатировать, что за последние годы произошли позитивные изменения, в первую очередь, в создании правовых основ (например, принятие закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» № 73-ФЗ от 31 мая 2001 года), в совершенствовании технологического процесса и разработки методического обеспечения ее производства. Большую роль в становлении и развитии судебно-лингвистической экспертизы сыграло создание в 2001 году общественной организации – Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (председатель правления – профессор М.В. Горбаневский).

Другим положительным новшеством является введение соответствующей экспертной специализации при аттестации судебных экспертов государственных экспертных учреждений. Так, лингвистическая экспертиза (исследование текста письменного документа или устного высказывания в целях решения вопросов смыслового понимания)²¹ включена с 2005 года в перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-крими-

²¹ Приложение 2 к приказу МВД России «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» № 511 от 29 июня 2005г., регистрационный № 6931 от 23 августа 2005 г.

налистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации. В судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции РФ лингвистическая экспертиза как род судебных экспертиз на сегодня отсутствует²², хотя есть предложения РФЦСЭ МЮ РФ о внесении необходимых изменений в соответствующие нормативно-правовые акты, регулирующие экспертную деятельность.

Как показывает практика по делам, где сказанное или написанное *СЛОВО* является предметом конфликта, деликта или спора, именно лингвистическая экспертиза может оказать неоценимую помощь, как для предотвращения, так и пресечения проявлений словесного экстремизма, способствуя установлению фактов, которые могут быть положены в основу доказательственной базы.

Однако, чтобы задействовать всю мощь потенциала лингвистической науки, необходимо четко установить пределы компетенции судебного эксперта-лингвиста, разграничить вопросы правовой квалификации речевого (словесного) деликта от вопросов, требующих применения специальных знаний, четко определить предмет, цели и задачи судебной лингвистической экспертизы по данным категориям дел, сформулировать вопросы, которые могут быть поставлены на разрешение лингвистической экспертизы, обозначить перечень типовых экспертных ситуаций, возникающих при анализе текстов массовой коммуникации, сопряженных с межнациональными, межконфессиональными и социальными конфликтами.

²² Приложение 1 к приказу Минюста России от 14 мая 2003 г. № 144.

ЧАСТЬ 2.

Нормативно-правовая основа противодействия словесному экстремизму

«Подлежит законы и указы писать явно, чтоб их не перетолковывать. Указую господам сенаторам, чтобы речи держать не по писанному, а своими словами, дабы дурь была видна каждого».
Петр I.

Действующее российское законодательство провозглашает тотальный запрет на любую дискриминацию. В соответствии со ст. 29 Конституции РФ не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. Согласно ст. 4 Закона РФ «О средствах массовой информации» не допускается использование средств массовой информации в целях разжигания национальной, классовой, социальной, религиозной нетерпимости или розни. В ст. 19 Конституции РФ закрепляется принцип равенства и абсолютный запрет на любую форму дискриминации, в ст. 29 Конституции РФ гарантируется свобода мысли и слова.

Проблема заключается в том, что провозглашенные Конституцией РФ высшие ценности нередко конфликтуют между собой, хотя незабываемым принципом является положение о том, что гарантии прав и свобод одних людей не должны ограничивать права и свободы других. Никто не вправе, спекулируя на праве свободы убеждений, слова, выражения мнений и оценок, подавать ксенофобские и подстрекательские материалы под соусом выражения в них патриотических идей и убеждений с благородными целями.

Особенностью отечественных проявлений словесного экстремизма является использование высокотехнологических средств связи и информации, изоциренных средств манипуляции общественным сознанием, скрытой суггестии и массового внушения.

«Наш язык является самым простым и в то же время самым восхитительным из всех коммуникативных инструментов, коими мы, люди, обладаем, – и несмотря на это, большинство из нас орудуя им неуклюже, как громоздким двуручным мечом, вместо того, чтобы легко и тонко манипулировать им, как остро отточенной и непредсказуемой в действиях шпагой, беспощадно эффективной в своем завораживающем танце»²³.

Но «Слово» – это не только оружие, которое может быть использовано точно против конкретного человека, а средство массового поражения. Именно поэтому не меньшей, а может быть и большей общественной опасностью обладает словесный экстремизм, экстремистские высказывания, озвученные и напечатанные в средствах массовой информации – в печати, на телевидении, в Интернете и т.д. В то же время к этой проблеме нужно подходить с крайней осторожностью. Важная причина, заставляющая вспомнить об осторожности, – сомнения в отношении эффективности законов, направленных на борьбу с высказываниями, разжигающими вражду и ненависть. Такие сомнения высказывают многие правоведы, международные специалисты по вопросам свободы слова. Они часто и весьма убедительно указывают, что угроза борьба со словесным экстремизмом не должна привести к злоупотреблению законами со стороны государства для подавления инакомыслия.

Право на свободное выражение своего мнения закреплено в ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах. Эта статья предусматривает для этого права только такие ограничения, «которые установлены законом и являются необходимыми: а) для защиты прав и репутации других лиц; б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения». Но при этом ст. 19 может рассматриваться совместно со ст. 20, которая запрещает «всякую пропаганду войны» и – что особенно важно в данном случае – «всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию».

Существенный интерес представляют также положения ст. 4 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации²⁴, где

²³ Бреденмайер К. Черная риторика: Власть и магия слова / Карстен Бреденмайер; пер. с нем. – 2-е изд. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005, с. 17.

²⁴ Ст. 4: «Государства-участники осуждают всякую пропаганду и все организации, основанные на идеях и теориях превосходства одной расы или группы лиц определенного цвета кожи или этнического происхождения, или пытающие оправдать или поощрить расовую ненависть и дискриминацию в какой бы то ни было форме, и обязуются принять немедленные и позитивные меры, направленные на искоренение всякого подстрекательства к такой дискриминации или актов дискриминации, и с этой целью они в соответствии с принципами, содержащимися во Всеобщей декларации прав человека, и правами, ясно изложенными в статье 5 настоящей Конвенции. А именно: это – “право на свободу убеждений и на свободное выражение их”».

отмечено, что Государства-участники «объявляют караемым по закону преступлением всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации, а также все акты насилия или подстрекательства к таким актам, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения...».

Европейский суд по правам человека (Страсбург), к примеру, рассмотрев связь между правом на свободу слова и обязательствами государства, вытекающими из указанной выше конвенции, в решении по делу Йерсилд против Дании посчитал, что признание журналиста (взявшего телевизионное интервью у членов правозэкстремистской группы «Зеленые куртки») виновным в содействии распространению и пропаганде расистских взглядов представляет собой нарушение свободы выражения мнения в том ее виде, в каком она пользуется защитой ст. 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ).

В то же время Европейский суд по правам человека последовательно отказывает в защите, предоставляемой свободой выражения мнений, на выражение расистских взглядов, распространение листовок расистского содержания. Например, в деле Глиммервен и Хагенбек против Нидерландов (*Glimmerveen & Hagenbeek v. Netherlands*) жалоба была признана необоснованной и в соответствии со ст. 17 ЕКПЧ²⁵ (злоупотребление правами и свободами, гарантированными Конвенцией) объявлена неприемлемой. Однако, в деле Фельдек против Словакии (*Feldek v. Slovakia*) суд постановил, что санкции, которые были наложены на журналиста, припомнившего министру «фашистское прошлое», представляют собой нарушение ст. 10 ЕКПЧ, при этом суд категорически заявил, что «не может согласиться с ограничительным толкованием слов “фашистское прошлое”». В постановлении разъяснено: «Это понятие является широким, у того, кто его встречает в тексте, могут возникнуть различные представления о его содержании и значении. Одно из значений сводится к тому, что данное лицо участвовало в фашистской организации, будучи ее членом, даже если его деятельность не была связана с пропагандой фашистских идей».

Следует признать, что между правом на равенство и защиту от дискриминации, с одной стороны, и правом на свободу выражения мнений, с дру-

²⁵ Ст. 17 ЕКПЧ («Злоупотребление правами»): «Ничто в настоящей Конвенции не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой-либо деятельностью или совершать какие-либо действия, направленные на уничтожение любых прав и свобод, изложенных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей степени, чем это предусматривается в Конвенции».

гой, которые сосуществуют в международной практике, в российском суде-производстве нет единого подхода.

Юрист Б.Н. Пантелеев совершенно правильно акцентирует внимание на трех блоках основных прав человека²⁶.

1) Права человека на основные свободы: свобода вероисповедания, свобода слова, свобода от пыток и свобода передвижения.

2) Социальные права человека – право на развитие, труд, образование, здравоохранение.

3) Коллективные права человека – право на мир, на национальное самоопределение, на здоровую окружающую среду, на защиту от любых форм дискриминации.

Для соблюдения этих прав журналистскому сообществу необходимо предусмотреть и постоянно развивать профессиональную подготовку журналистов, кодекс профессиональной этики журналистов.

Мировые стандарты, не посягая на право СМИ на независимость и свободу распространения информации, предлагают эффективные демократические механизмы для контроля за установлением и соблюдением правил политкорректности, плюрализма мнений и идей, поощрения духа терпимости в диалоге между разными культурами, обязывают журналистов выполнять свои функции с осознанием ответственности перед обществом и гражданами.

Российское законодательство предусматривает также разнообразные способы борьбы со словесным экстремизмом (то есть таким деянием, которое совершается на почве национальной, религиозной, этнической неприязни в процессе речевой коммуникации) в словесной (текстовой) форме.

Во-первых, это возможность уголовного преследования с учетом диспозиции статьи 280 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности») и ст. 282 УК РФ²⁷ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»).

Во-вторых, это применение Федерального закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности»²⁸ и вынесение предупреждения с требованием ликвидации средства массовой информации (при неоднократных нарушениях) Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций и его территориальными органами, в компетенцию которых входит контроль за соблюдением средствами массовой информации ст.4 Закона «О СМИ».

²⁶ Пантелеев Б.Н. Политкорректность как условие выживания // Татарский путь: права народа и политкорректность. – Казань: Магариф, 2003, с. 50-58.

²⁷ Уголовный кодекс РФ в ред. Федерального закона РФ от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ.

²⁸ Федеральный закон РФ «О противодействии экстремистской деятельности» № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г.

Рассмотрим их с кратким анализом каждого и выделим те, где, по нашему мнению, применение специальных филологических (лингвистических) знаний будет наиболее эффективно в целях усиления профилактики ксенофобии, экстремизма и пресечения деятельности, направленной на разжигание антагонизма между разными группами населения.

Наиболее общественно опасными, влекущими уголовное преследование признаются два вида словесного экстремизма. Это – призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) и возбуждение ненависти и вражды, равно как унижение человеческого достоинства (ст.282 УК РФ).

Статья 280 УК РФ. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (в ред. Федерального закона от 25.07.2002 № 112-ФЗ)

1. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности – наказываются штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет (в ред. Федерального закона от 08.12.2003 N 162-ФЗ).

2. Те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации,

– наказываются лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет (в ред. Федеральных законов от 09.07.1999 N 156-ФЗ, от 08.12.2003 N 162-ФЗ).

Статья 282 УК РФ. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (в ред. Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ).

1. Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации.

– наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо обязательными работами на срок до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до двух лет.

2. Те же деяния, совершенные:

- а) с применением насилия или с угрозой его применения;
- б) лицом с использованием своего служебного положения;

- в) организованной группой,
- наказываются штрафом в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо обязательными работами на срок от ста двадцати до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет.

Если обратиться к данным официальной статистики, то мы увидим, что в нынешней формулировке один из первых приговоров по ст. 280 УК РФ, по-видимому, был вынесен 17 марта 2005 г. Заводским судом города Кемерово студенту юридического факультета Денису Чупрунову за публикацию материалов на веб-сайте в интернет-издании «Русское знамя».

По статье 282 УК РФ в 2002 году правоохранительными органами России было зарегистрировано лишь 74 преступления, в 2003 – 72 преступления, а в 2004 – 59. В 2003 году органами прокуратуры было завершено расследование 23 уголовных дел по статье 282 УК РФ (на 34% меньше, чем в 2002 году). Эти дела были возбуждены в отношении 29 человек. Из них лишь 8 дел (35%) было направлено в суд, остальные 15 прекращены, в том числе 67% (10 дел) по реабилитирующим основаниям – за отсутствием события или состава преступления. В 2004 году было завершено расследование 33 уголовных дел, возбужденных в отношении 49 человек. 24 дела (73%) были переданы в суд, по ним обвиняемыми проходили 40 человек. 9 дел были прекращены производством, в том числе 4 – по реабилитирующим основаниям.

Однако, как показывает статистика, в первой половине 2005 г. произошел определенный перелом в отношении правоохранительных органов к данной категории дел. Так, в 2002 году по статье 282 УК РФ всего по России были вынесены обвинительные приговоры в отношении 4 человек, в 2003 году – 8 человек (в том числе 6 – основная квалификация и 2 – дополнительная), а в 2004 году было осуждено уже 11 человек. В первом полугодии 2005 г. были осуждены 5 человек, в то время как в январе–июне 2004 г. по этой статье был осужден лишь один человек.

Справедливо ради стоит отметить, что дела, возбужденные первоначально по ст.280 УК РФ, часто перекавалифицируются на ст. 282 УК РФ, поэтому судебная практика обвинительных приговоров по новой редакции ст. 280 УК РФ пока скудная. Это вызвано тем, что само понятие «призывы», сформулированное в норме ст.280 УК РФ, более прозрачно как для носителя языка, который редко не камуфлирует их под высказывания иной коммуникативной направленности, так и для правоприменителя.

Приходится, к сожалению, констатировать, что термины «возбуждение ненависти, либо вражды», «направленность на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц», используемые законодателем, в новой редакции статьи 282 УК РФ неоднозначны, что зачастую позволяет виновным избегать уголовного преследования. Это означает, что необходимо совершенствовать механизм правоприменительной практики, который позволил бы резко повысить эффективность судопроизводства по рассматриваемым статьям УК РФ.

В первую очередь, нужно четко детерминировать сами понятия, используемые в законодательстве, выработать систему объективных признаков, однозначно указывающих на то, что та или иная публикация (высказывание) содержит в себе состав преступления, предусмотренный рассматриваемыми нами нормами уголовного права.

Так, например под состав преступления, ответственность за которое предусмотрена в ст. 282 УК РФ применительно к злоупотреблению свободой массовой информации, подпадает такая информация, которая содержит отрицательную эмоциональную оценку и формирует негативную установку аудитории в отношении определенной этнической (национальной), расовой (антропологической), конфессиональной (религиозной) группы или отдельных лиц как членов этой группы, подстрекает к ограничению их прав или к насильственным действиям против них, порождает напряженность в обществе, нетерпимость к сосуществованию людей разных рас, национальностей и вероисповеданий, поскольку создает благоприятную почву для межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

Диспозиция ст. 280 УК РФ предусматривает ответственность за явно выраженные публичные призывы, то есть политические лозунги, в лаконичной форме выражающие руководящую политическую идею, требование, побуждающее читателей или слушателей к осуществлению экстремистской деятельности. Квалифицирующим признаком иотягчающим обстоятельством данного преступления является совершение публичных призывов с использованием средств массовой информации. За совершение этого деяния в части 2 статьи 280 УК РФ предусмотрена ответственность «в виде лишения свободы на срок от трех до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет».

Помимо уголовно-правовых санкций, на основании вышеуказанного закона возможно применение и иных – административных и гражданско-правовых мер воздействия на средства массовой информации. Закон РФ «О СМИ» (от 27 декабря 1991 г. № 2124-1/ Ведомости Верховного Совета РФ, 1992, №7) не допускает использования средств массовой информации в целях разжигания национальной нетерпимости и запрещает дискредитацию гражда-

нин по признакам национальной принадлежности, предусматривая за это достаточно жесткие санкции.

С принятием Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» решение о прекращении деятельности средств массовой информации может быть принято судом при наличии одного из следующих оснований:

Во-первых, если учредитель и (или) редакция СМИ, в отношении которых было вынесено предупреждение о недопустимости распространения экстремистских материалов и осуществления ими экстремистской деятельности, не предприняли меры по устранению допущенных нарушений в установленный в предупреждении срок. При этом деятельность СМИ подлежит прекращению лишь в том случае, если предупреждение не было обжаловано в суд или, в случае обжалования, признано судом законным. Предупреждение выносится учредителю или редакции СМИ в письменной форме в случае распространения через данное СМИ экстремистских материалов либо выявления фактов, свидетельствующих о наличии в его деятельности признаков экстремизма. В предупреждении указывается на недопустимость таких действий либо такой деятельности с обязательной ссылкой на конкретные основания вынесения предупреждения, в том числе допущенные нарушения. Если возможно принять меры по устранению допущенных нарушений, в предупреждении также устанавливается срок для их устранения, который не может составлять менее десяти дней. Правом вынести предупреждение о недопустимости распространения экстремистских материалов и осуществления экстремистской деятельности в соответствии с законом наделены: а) уполномоченный государственный орган, осуществивший регистрацию данного СМИ; б) федеральный орган исполнительной власти в сфере печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций; в) Генеральный прокурор РФ или подчиненный ему соответствующий прокурор. Согласно статье 13 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» это может быть прокурор субъекта Российской Федерации, прокурор города, района, а также прокурор специализированной прокуратуры.

Во-вторых, если повторно в течение двенадцати месяцев со дня вынесения предупреждения выявлены новые факты, свидетельствующие о наличии признаков экстремизма в деятельности СМИ. Это основание для прекращения деятельности СМИ аналогично тому, которое содержится в части 3 статьи 16 Закона РФ «О средствах массовой информации»²⁹. Однако для вынесения судом соот-

²⁹ Часть 3 статьи 16 Закона РФ «О СМИ» содержит следующее основание для прекращения судом деятельности средства массовой информации: неоднократные в течение двенадцати месяцев нарушения редакцией требований статьи 4 Закона РФ «О СМИ», по поводу которых регистрирующим органом или иным уполномоченным органом делались письменные предупреждения учредителю и (или) редакции (главному редактору).

ветствующего решения уже не требуется вынесения повторного предупреждения со стороны уполномоченных органов, так как достаточно самого факта наличия признаков экстремизма или экстремистских материалов в деятельности СМИ.

И, в третьих, если осуществляемая СМИ экстремистская деятельность повлекла за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создают реальную угрозу причинения такого вреда.

Суд в целях недопущения продолжения распространения экстремистских материалов может приостановить реализацию соответствующих номера периодического издания либо тиража аудио- или видеозаписи программы либо выпуск соответствующей теле-, радио- или видеопрограммы в порядке, предусмотренном для принятия мер по обеспечению иска. На основании решения суда нереализованная часть тиража продукции средства массовой информации, содержащей материал экстремистской направленности, изымается из мест хранения, оптовой и розничной торговли.

В связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» статья 16 Закона РФ «О средствах массовой информации»³⁰ была дополнена частью четвертой: «Деятельность средства массовой информации может быть также прекращена в порядке и по основаниям, предусмотренным Федеральным законом "О противодействии экстремистской деятельности"».

Таким образом, изменения, внесенные в часть 1 статьи 4 Закона РФ о СМИ в связи с принятием ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», представляются очень существенными. Вместо таких правонарушений, относящихся к злоупотреблению свободой массовой информации, как призывы к захвату власти, насильственному изменению конституционного строя и целостности государства, разжигание национальной, классовой, социальной, религиозной нетерпимости или розни, для пропаганды войны», в закон внесена формулировка – «осуществление экстремистской деятельности», которая существенно расширяет понятие злоупотребления свободой массовой информации и дает дополнительное юридическое основание прекращения и приостановления деятельности СМИ.

В связи с этим рассмотрим правовые понятия «экстремистская деятельность» и «экстремистские материалы» более детально.

П. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» квалифицирует *экстремистскую деятельность (экстремизм)* следующим образом:

³⁰ Статья 16 «Прекращение и приостановление деятельности» Закона «О СМИ».

1) деятельность средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на:

насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

подрыв безопасности Российской Федерации;

захват или присвоение властных полномочий;

создание незаконных вооруженных формирований;

осуществление террористической деятельности;

возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;

унижение национального достоинства;

осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;

пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

2) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

3) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий;

4) финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств;

Как указывает А.Р. Ратинов: «Антиэкстремистское законодательство объединило «в одной корзине» преступления различной правовой природы, например, унижение национального достоинства и создание незаконных вооруженных формирований, осквернение могил, терроризм и тому подобное. В разряде экстремистских смешались преступления различной тяжести: от наименее опасных, предусматривающих ответственность в виде штрафа или ареста на срок до трех месяцев, и вплоть до особо опасных государственных преступлений, за которые может быть назначено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 20 лет. Углубленный анализ действий, признанных экстремистскими, позволил выявить искомым юридически релевантный признак психологической природы. Разбросанные по всему простран-

ству посягательств на правоохраняемые ценности, клеймо экстремизма получили только идеологически (в широком смысле) мотивированные деяния, то есть совершаемые по мотивам национальной, расовой, религиозной, социальной, классовой, политической вражды и ненависти»³¹.

Основные направления противодействия экстремизму определены в рассматриваемом законе, с одной стороны, как профилактика причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности, а с другой – как выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

Противодействие осуществляется на принципах признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, а равно законных интересов организаций; законности; гласности; приоритета обеспечения безопасности страны, предупреждения экстремистской деятельности; сотрудничества государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии этой деятельности; неотвратимости наказания за ее осуществление.

В сложившихся условиях, когда экстремизм в массовом сознании сопрягается с определенными этническими группами, а этническая интерпретация криминогенных факторов вызывает обострение социальной конкуренции и задействование криминальных структур, заинтересованных в возникновении масштабных социальных конфликтов, уголовно-правовая форма воздействия государства на тех, кто провоцирует межсоциальную напряженность, представляется наиболее эффективной и целесообразной.

Рассмотрим понятие «экстремистские материалы», которое также нуждается в дополнительном комментарии.

В вышеназванном законе указывается, что **экстремистские материалы** – это предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, **призывающие** к осуществлению экстремистской деятельности либо **обосновывающие** или **оправдывающие** необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

³¹ Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / Под ред. А.Р.Ратинова. – М., 2005, с. 40.

Согласно правовой дефиниции, *экстремистскими* должны признаваться *материалы*, отвечающие следующим признакам:

- 1) документы или информация на иных носителях.
- 2) материалы, предназначенные для обнародования.
- 3) материалы, содержащие *призыв* к осуществлению *экстремистской деятельности*.
- 4) материалы, содержащие *обосновывание* или *оправдывание необходимости* осуществления экстремистской деятельности.
- 5) *труды руководителей* национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии.
- 6) *публикации, обосновывающие* или *оправдывающие* национальное и (или) расовое превосходство либо *оправдывающие* практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

А это значит, что достаточно, чтобы в публикации имелось хоть какое-нибудь *обоснование* (то есть *подкрепление фактами, серьезными убедительными доводами*) расового и (или) национального превосходства, а также *оправдание* (то есть *признание правильным, допустимым*) такого превосходства или практики совершения любых преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы, чтобы они были квалифицированы в качестве *экстремистских материалов*.

Таким образом, *словесный экстремизм* можно определить как целенаправленный акт публичной передачи сообщений в форме устных или письменных речевых высказываний, которые:

- призывают или подстрекают к осуществлению, иницируют, провоцируют или руководят противоправными действиями экстремистского толка,
- оправдывают или обосновывают их,
- пропагандируют нацистскую или сходную с ней до степени смешения символику и атрибутику,
- направлены на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды либо ненависти, включая передачу информации языковыми средствами в публичных выступлениях, печатных изданиях, средствах массовой информации (радио, телевидение)³².

³² Методические рекомендации «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды». НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Российской Федерации N 27-19-19 от 29 июня 1999.

Детерминанты словесного экстремизма, как мы видим, тесно увязываются с понятиями «пропаганды нацистской атрибутики или символики» и с понятием «атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения», поэтому рассмотрим и их.

Пропаганда – распространение в обществе и разъяснение каких-либо воззрений, идей, знаний учения³³.

То есть в буквальном переводе с латинского *propaganda* (от лат. *propagare* распространять) «пропаганда» означает распространение политических, философских, научных, художественных и других идей в обществе. Например, политическая или идеологическая пропаганда осуществляется с целью формирования у широких масс населения определенных взглядов³⁴. Под пропагандой понимается деятельность, направленная на то, чтобы повлиять на сознание индивидов, отдельных общественных групп или на общество в целом для достижения определенной, заранее намеченной цели.

Обобщая разные дефиниции можно сказать, что пропаганда – это распространение среди широкого круга лиц идей, взглядов, представлений или побуждений действиям, направленным на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды. Вербально она может выражаться в виде призывов, воззваний, поучений, советов, предостережений, требований, угроз и т.п. Выявление смысловой направленности высказываний, разоблачение скрытых приемов и способов пропаганды национальной, религиозной розни и вражды является центральным звеном в установлении противоправности совершаемого деяния³⁵.

До недавнего времени слово «пропаганда» употреблялось в значении идейно-политического воспитания масс как орудия классовой борьбы. «Коммунистическая пропаганда – глубокое разъяснение учения Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, истории ВКП (б) и очередных задач партии»³⁶.

Разъяснение содержания термина «пропаганда» дал Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении № 17 «О рассмотрении судами дел, связанных с преступлениями, совершенными в условиях стихийного или иного общественного бедствия» от 23 декабря 1988 г. Пропаганда – это «распространение злонамеренных слухов и измышлений, подрывающих доверие и уваже-

³³ Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4 изд., дополненное. – М.: ИТИ Технологии, 2003, с. 616.

³⁴ Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Мн.: Харвест, – М.: АСТ, 2001, с. 663.

³⁵ Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / Под ред. А.Р. Ратинова. – М: Юрлитинформ, 2005., с. 3–7.

³⁶ Словарь иностранных слов. /Под ред. И.В.Лехина и проф. Ф.Н. Петрова, – М., 1949, с. 527.

ние к другой национальности, вызывающих чувство неприязни к ней. Действия, совершенные с этой целью, могут выражаться в публичных выступлениях и призывах, в том числе в печати и иных средствах массовой информации, в изготовлении, распространении листовок, плакатов, лозунгов и т. п., а также в организации собраний, митингов, демонстраций и активном в них участии в вышеуказанных целях»³⁷.

Рассматривая понятие пропаганды в контексте словесного экстремизма нельзя не остановиться на понятии «нацизма» и его символики, атрибутики.

Напомним, что *символ* – это то, что служит условным знаком какого-либо понятия, явления, идеи³⁸.

Атрибут – 1) необходимое, существенное, неотъемлемое свойство объекта или явления в отличие от случайных, преходящих его состояний. 2) предмет, являющийся неотъемлемой принадлежностью кого-либо, чего либо³⁹.

Идеологии фашизма в мировой литературе посвящено большое количество работ, в которых рассматриваются проблемы идентификации фашизма как явления, как идеологии, как политического движения и как режима⁴⁰. Имеют место два крайних подхода, один из которых слишком узок, а другой – неоправданно широк. Узкий подход состоит в том, что слово «фашизм» используется только для обозначения итальянского фашизма, а слово «нацизм» – только для обозначения немецкого фашизма, поскольку слово «фашизм» было введено и употреблялось в Италии Муссолини, а слово «нацизм» – в гитлеровской Германии. Второй крайний подход заключается в том, что фашистский режим отождествляют с коммунистическим, а фашистскую идеологию – с коммунистической, не считаясь с их существенными различиями. В советских словарях под «нацизмом» понимался германский фашизм. Однако в современной науке «нацизм» – видовое понятие, представляющее одну форму фашизма, а гитлеровский нацизм – частный случай нацизма.

Для идентификации фашизма используются наборы признаков и определения (словесные формулы) понятия, обозначаемого термином «фашизм». В научной литературе в рамках общего определения «фашизм – это тоталитаризм, основанный на национализме», разными авторами предложены различные наборы признаков и различные определения понятия «фашизм». В современной науке эти наборы признаков, определения фашизма и его ти-

³⁷ п. 5 Определение пропаганды и агитации с целью возбуждения расовой или национальной вражды или розни.

³⁸ Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4 изд., дополненное. – М.: ИТИ Технологии, 2003, с. 717.

³⁹ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – 2-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2001. т. 1:А–О, с. 52.

⁴⁰ Ставропольское дело. Дело № 6 РНЕ против Г.Туз и «Ставропольской правды» // Архив и мультимедийная библиотека. 1994–2004, Фонд защиты гласности. 2004–2005.

пология совершенствуются. Однако и достигнутые на данном этапе результаты позволяют определить идентификационный набор признаков фашизма и дать его определения⁴¹.

Основой идеологии фашизма является крайний национализм, использующий идею, которую теоретики фашизма называют «консервативной революцией», а его практики-популисты – «национальной революцией»; под национальной революцией понимается революционное возрождение (преобразование) нации на основе обращения к консервативным традициям и мифам прошлого; эта идеология ставит целью движения создание тоталитарного государства на основе примата крайнего национализма.

Эта основа идеологии фашизма определяют совокупность его признаков, которые современная наука подразделяет на два множества: группу признаков, характерных в основном или только для фашизма, и группу признаков, характерных также и для других видов тоталитаризма и националистических движений.

Для фашизма характерна следующая группа признаков:

- а) крайний национализм (шовинизм), доходящий до расизма и в агрессивных проявлениях – до геноцида;
- б) идея диктатуры национальной элиты во главе с вождем, на основе организации этой элиты как руководящей верхушки партии военизированного типа;
- в) создание военизированной партии «орденского» типа с жесткой дисциплиной и военизированных формирований;
- г) определение врагов нации – внутренних и внешних;
- д) претензии на распространение духовных ценностей своей нации и своего движения во всем мире;
- е) пропаганда и романтизация бескомпромиссной борьбы за «всемирно-исторические» идеалы движения и культа жертвенности и героической смерти во имя победы;
- ж) пропаганда культа силы и устрашения не только так называемых врагов, но практически всего населения;
- з) пропаганда фашистской, антисемитской и другой ксенофобской литературы;
- и) придание огромного значения семиотическому (знаковому) языку политического стиля (языку собраний, сборищ, шествий, партийных симво-

⁴¹О сущности и признаках фашизма. Записка, подготовленная группой экспертов Российской Академии наук (РАН) в соответствии с Указом президента РФ от 23 марта 1995 г. «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в РФ» //Московские новости, 1995 – № 39; «Нужен ли Гитлер России? По материалам Международного форума “Фашизм в тоталитарном и посттоталитарном обществе: идейные основы, социальная база, политическая активность”, – Москва, 20–22 января 1995 г.» – М.: ПИК, 1996, с. 320–321.

лов, униформе, лексике), обязательность этого стиля, по крайней мере, для членов фашистской организации как своего рода специфического отображения фашистской идеологии (этот важный признак будет пояснен ниже);

к) идея построения тоталитарного государства на основе принципа корпоративности (этот признак был характерен для итальянского фашизма, но не является обязательным для фашистской идеологии).

Группа признаков, характерных не только для фашизма, но и для других видов тоталитаризма и националистических движений:

л) культ вождя;

м) ксенофобия и, в частности, антисемитизм (юдофобство);

н) отрицание демократии, либерализма, плюрализма, подавление оппозиции, чистки всего госаппарата; курс на репрессии;

о) претензии на расширение территориального пространства;

п) политическая и социальная демагогия;

р) специальная организация военной и идеологической подготовки молодежи.

Нужно обратить внимание, что понятие *сходства до степени смешения* атрибутики и символики, не являющихся нацистскими, с являющимися таковыми, указанное выше в законе «О противодействии экстремистской деятельности» не равнозначно понятию «тождественности», а потому требуются объективные критерии определения сходства⁴², то есть подобия символики и атрибутики различных формирований и организаций, которая вводит аудиторию в заблуждение, будучи воспринимаемой как с нацистская и фашистская.

Семиотический (знаковый) язык политического стиля общественных объединений, формирований и организаций часто говорит об их сути больше, чем программы и декларации, которые могут камуфлировать истинные цели их авторов. Фашистский стиль, как общеизвестно, определяется совокупностью характерных атрибутов, которым приписываются некие семиотические значения и которые вследствие этого выполняют роль символов (знаков), совокупность которых является символикой фашистского стиля. Хотя стили различных фашистских движений в разных странах различаются, в них есть общие черты: воинственность, демонстрация силы, монолитного единства, жестокости, твердости, преданности вождю, идее, партии и т.п.

Все фашистские организации придают своей символике сакральный, магический, метафизический смысл. Этим языком они дают сигнал о фашистской ориентации. Этот стиль важен не только потому, что он воздействует на массы сам по себе без специальной пропаганды. Он делает фашизм узнаваемым, и, следовательно, весьма важен для его идентификации.

⁴² Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им В.В. Виноградова. – 4 изд., – М.: ИТИ Технологии, 2003, с. 782–783.

Понятие «сходный до степени смешения» мы предлагаем рассматривать по аналогии с таким же термином, употребляемым в нормативно-правовых актах, регулирующих право интеллектуальной собственности. Так, например, в Законе РФ «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» указывается на недопустимый уровень близости заявляемого обозначения уже известному – наличие между ними сходства до степени смешения. Согласно п. 14.4.2. Правил составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания обозначение считается сходным до степени смешения с противопоставленным обозначением, если **оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на их отдельные различия.**

Заметим, что совпадение отдельных элементов обозначения само по себе не может служить основанием для принятия решения о совпадении противопоставленных обозначений до степени смешения. Решение должно приниматься с учетом среднего уровня подготовки аудитории, воспринимающей спорное обозначение в конкретной стране или регионе.

При этом задача сравнения двух обозначений, или образов (символики или атрибутики) лишь на первый взгляд кажется простой, на самом деле «путь от субъективного мнения до объективного подхода лежит через системный анализ решений экспертизы»⁴³.

По нашему мнению, судебно-экспертная оценка степени сходства словесных обозначений, входящих в состав атрибутики или символики до степени смешения с нацистской, должна проводиться с учетом ряда факторов. Думаю, что здесь вполне может быть применен подход, изложенный в Правилах составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания. Этот подход положительно зарекомендовал себя при проведении патентной экспертизы товарных знаков и может быть адаптирован и к решению рассматриваемой нами задачи. А именно: при сравнении словесных обозначений, входящих в атрибутику или символику, определяется наличие звукового (фонетического), графического (визуального) и смыслового (семантического) сходства с нацистской атрибутикой и символикой.

Фонетическое (звуковое) сходство выявляется при наличии близких и совпадающих звуков в сравниваемых обозначениях, близости звуков, составляющих обозначения, расположения близких звуков и звукосочетаний по отношению друг к другу; при наличии совпадающих слогов и их расположения; числа слогов в обозначениях; места совпадения звукосочетаний в составе обозначений; близости составов гласных и согласных букв и звуков; важен так же характер совпадающих частей обозначений; вхождение одного обозначения в другое; ударение.

⁴³ Орлова В.В., Восканян Р.С., Корчагин А.Д. Товарные знаки в России. – Тольятти, 1995, с. 9.

Графическое сходство определяется с учетом общего зрительного восприятия графического образа словесного обозначения; вида шрифта; графического написания с учетом характера букв по отношению друг к другу; алфавита, буквами которого написано слово; цветовой гаммы или цветового сочетания.

Смысловое (семантическое) сходство устанавливается при наличии подобия заложенных в обозначении понятий, идей, совпадения значений в разных языках, совпадения одного из элементов обозначений, на который падает логическое ударение и который имеет самостоятельное значение; противоположности заложенных в обозначениях понятий.

Все эти признаки учитываются как каждый в отдельности, так и в разных сочетаниях.

Если некоторому атрибуту или символу политического стиля можно приписать множество различных семиотических смыслов, то этот атрибут может представлять соответственно множество знаков. Общество выбирает конкретный семиотический смысл символа или атрибута в соответствии с контекстом его использования и его значимостью в общественном сознании.

Поэтому использование, к примеру, свастики в эмблеме крайне националистического движения (партии) является тем контекстом, который однозначно указывает на то, что в данном случае свастика используется как символ фашизма-нацизма. Этот символический смысл атрибута-свастики имеет наибольшую значимость в общественном сознании, сохранившем память о преступлениях германского фашизма, совершавшихся под знаком свастики, и негативно реагирующем на проявления крайнего национализма и другие признаки фашизма-нацизма. Заметим, что о свастике как о символе фашизма прямо говорилось в «Азбуке фашизма» – документе Всероссийской фашистской партии (ВФФ) 30-х годов.

Следовательно, свастика воспринимается подавляющим большинством российского общества именно как символ, олицетворяющий нацизм-фашизм. Это подтверждается, в частности, выступлениями в печати, представляющей различные части российского общественно-политического спектра, в том числе и Русскую православную церковь, и русских националистов.

В качестве примера приведем метод установления сходства до степени смешения атрибутики и символики, противопоставленной нацистско-фашистской в экспертизе, проведенной по делу РНЕ против «Ставропольской правды». Авторы экспертизы сделали вывод⁴⁴, что семиотический (знаковый) язык политического стиля РНЕ содержит атрибуты, заимствованные у итальянских и немецких фашистов, а также у русских фашистов К. Родзаевского. А именно:

⁴⁴ Дается в сокращении. Полный текст опубликован в книге. «Ставропольское дело». Дело № 6 РНЕ против Г.Туз и «Ставропольской правды» // Архив и мультимедийная библиотека. 1994–2004, Фонд защиты гласности. М., 2004–2005.

Свастика в эмблеме РНЕ. В качестве одного из основных признаков фашизма в политическом стиле РНЕ чаще всего в СМИ называют использование свастики – символа германского фашизма. Действительно, эмблема РНЕ содержит свастику, вписанную в восьмиконечную звезду. Эту эмблему или использованную в ней свастику часто называют «стилизованной свастикой». Свастика подается РНЕ как арийский, древнерусский, дохристианский, древнехристианский символ. Чтобы уйти от обвинений в использовании главного нацистского символа, идеологи РНЕ называют свастику древнерусским словом «коловрат» или русским словом «солнцеворот». Цель этих переименований состоит в том, чтобы уйти от параллелей с гитлеровской Германией. Но ни «древнейшим», ни «главнейшим» русским символом свастика никогда не была и главным символом в орнаменте тоже никогда не являлась.

Словесная символика РНЕ. Очевидно, что лексические единицы (слова и словосочетания), входящие в лексику политического движения (партии), позволяют его идентифицировать. В первую очередь это касается тех лексических единиц, которые стали своего рода символами движения (партии). Особенно же это относится к так называемым обязательным словесным символам, употребление которых носит ритуальный характер.

Само по себе содержание словесных символов может не носить и, как правило, не носит ничего предосудительного. Важно, что эти словесные символы выступают как символы определенного политического движения (партии).

Тақ, лозунг «Слава России!» заимствован РНЕ у русских фашистов 20-х – 40-х годов, которые не только использовали его как приветствие, но заканчивали им свои документы, письма. Сам по себе этот лозунг, в принципе, позитивен. Но в качестве обязательного словесного символа, используемого в обязательном партийном приветствии и в концовках документов и статей РНЕ, фактически является фашистским символом. Напомним, что первый из них – это лозунг русских фашистов Родзаевского, а второй ассоциируется в данном контексте с известным гитлеровским “Sieg Heil!”

Высокое партийное звание «соратник», принятое в РНЕ, также заимствовано у русских фашистов 20-х – 40-х годов. В свою очередь, фашисты Родзаевского заимствовали слово «соратник» у итальянских фашистов Муссолини: по-итальянски оно звучит «камерат»⁴⁵. В толковом словаре итальянского языка Гардзанти (1987, с.292) сообщается, что партийное обращение «камераты» было принято у итальянских фашистов.

Словосочетания-символы «Национальная революция», «Национально-социальная революция» заимствованы РНЕ у германских фашистов и русских фашистов 20-х – 40-х годов:

⁴⁵ Белоусов Л.С. Муссолини: диктатура и демагогия. – М.: Машиностроение, 1993, с. 7.

Семиотический язык собраний и шествий РНЕ. Семиотический (знаковый) язык собраний, шествий – это язык зрелищ, воздействующий на зрителя эмоционально. Этот язык служит РНЕ для демонстрации единства, силы, твердости, решимости в борьбе, дисциплины, фанатизма и деморализации врага. Этому способствуют военизированная (черная) униформа РНЕ с португеей, стандартное приветствие РНЕ и свастика в эмблеме РНЕ. Этот язык воздействует на зрителя, например, зрелищами массового одновременного и единообразного приветствия поднятой рукой с выкрикиванием одного и того же лозунга или картиной устрашающего марша бойцов РНЕ в черной униформе с содержащей свастику эмблемой на руках. Все это, особенно одновременные массовые приветствия поднятой рукой, напоминают картины фашистских сборищ, известных нам по фотографиям и кинофильмам.

Таким образом, при определении признака противопоставленного обозначения как сходного до степени смешения с нацистско-фашистской атрибутикой и символикой мы предлагаем использовать принцип сравнения текстовых (словесных) компонентов знаковой системы по признакам фонетического (акустико-перцептивного), графического (буквенно-перцептивного) и семантического (смыслового) сходства.

Итак, краткий анализ действующего законодательства противодействия словесному экстремизму в аспекте лингвистической экспертизы позволяет сделать следующие важные для практики выводы.

Во-первых, можно выделить и детерминировать ключевые правовые термины, имеющие отношение к словесному экстремизму, сформулированные в указанных выше нормативно-правовых актах, которые могут быть проанализированы с позиции их языкового воплощения в устных и письменных текстах. Объективную сторону **словесного экстремизма** составляют такие противоправные **речевые деяния** как:

- *призывы* к осуществлению экстремистской деятельности,
- *высказывания, направленные* на возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение достоинства человека,
- *оправдание или обоснование* необходимости осуществления экстремистской деятельности,
- *пропаганда* нацистских атрибутов и символов и сходных с ними до степени смешения.

Во-вторых, можно четко детерминировать языковые (лингвистические) критерии выявления юридически значимых понятий, образующих состав словесного экстремизма в публичных речах и в текстах массовой коммуникации.

И, в-третьих, представляется целесообразным предложить научно-обоснованный инструментарий их выявления, исследования и описания методами лингвистического анализа в рамках судебной лингвистической экспертизы.

ЧАСТЬ 3.

Использование специальных лингвистических знаний для установления фактов словесного экстремизма

«Эксперт – человек, который перестал мыслить, потому что он знает».

Ф. Райт.

Практика раскрытия и расследования уголовных дел, возбуждаемых по ст.ст. 280, 282 УК РФ, показывает, что органы предварительного расследования и суд сталкиваются со сложностью формирования надежной доказательственной базы по данной категории уголовных дел, с затруднениями в установлении объективной и субъективной стороны преступлений, ответственность за которые предусмотрена названными статьями Уголовного кодекса РФ. Анализ практики вынесения предупреждений СМИ также показывает сложность правовой квалификации публичных речей и текстов в качестве экстремистских материалов.

Это объясняется тем, что толкование и интерпретация смысла устного высказывания или письменного текста требует обязательного привлечения специальных лингвистических познаний не только в случаях использования манипулятивных приемов речевого воздействия на аудиторию или камуфляжа ксенофобных высказываний средствами изощенной словесной эквилибристики, но и для выявления рефлекслируемой аудиторией пропаганды и агитации, призывов к совершению тех или иных действий, угроз и подстрекательств, оправдания или обоснования необходимости осуществления экстремистской деятельности⁴⁶.

⁴⁶ В данной работе мы рассматриваем исключительно возможности лингвистических знаний. По вопросам применения иных (психологических, социологических) знаний по материалам ксенофобного содержания отсылаем читателя к работе: Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / Под ред. А.Р. Ратинова. – М: Юрлитинформ, 2005.

Практика проведения лингвистических исследований публичных высказываний и письменных текстов СМИ по делам, возбужденным по ст., ст. 280, 282 УК РФ, хотя и не многочисленна, но уже позволяет сделать ряд выводов.

Первое – это можно достаточно четко очертить круг экспертных ситуаций, когда по ксенофобным материалам необходимо назначение судебной лингвистической экспертизы или использование специальных лингвистических знаний в процессуальной или непроцессуальной форме. Второе – это сложившаяся практика типовых вопросов, которые ставятся на разрешение лингвистической экспертизы по данным категориям дел. Третье – сформировавшийся штат экспертов-лингвистов, подготовленных для решения типовых экспертных задач и специализирующихся на текстах ксенофобной направленности. Четвертое – наличие разработанных и апробированных методик лингвистического анализа экстремистских высказываний и письменных текстов СМИ.

Заметим, что термин «судебная лингвистическая экспертиза» уже устоялся и является общепринятым⁴⁷.

Объектами лингвистической экспертизы письменных и устных текстов являются речевые произведения в форме письменного текста или устного высказывания, зафиксированные на любом материальном носителе.

Предметом судебной лингвистической экспертизы являются факты и обстоятельства, устанавливаемые на основе исследования закономерностей существования и функционирования в устной и письменной речи естественного или искусственного языка.

Специфика судебной лингвистической экспертизы, назначаемой по уголовным делам, возбужденным по ст. ст. 280, 282 УК РФ, заключается в том, что результаты лингвистического анализа содержательно-смысловой и формальной стороны речевого произведения служат источником доказательств наличия или отсутствия состава, то есть признаков объективной стороны, преступления.

Компетенция судебной лингвистической экспертизы по делам, сопряженным со словесным экстремизмом, определяется исключительно предметной областью исследования – анализом языковых и речевых средств, использованных в качестве инструмента (орудия) преступления, ответственность за которое предусмотрена ст.ст. 280, 282 УК РФ.

Здесь еще раз необходимо остановиться на разграничении компетенции юристов-правоведов и судебных экспертов, поскольку эксперты нередко оказываются перед сложной дилеммой: необходимостью лингвистической трактовки речевого нарушения и правовой квалификации объективной стороны речевого деяния как состава преступления.

⁴⁷ Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. – М.: СТЭНСИ, 2003 г., с. 22–40.

Говоря о компетенции экспертов-лингвистов, следует отметить, что диспозиция ст. 1 Федерального закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности» № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. определяет понятие «экстремистская деятельность» («экстремизм») описательно через перечисление ее разновидностей, включая как собственно террористическую деятельность, так и ее пропаганду. Объективная сторона действий, предусмотренных данным законом, направлена на оправдание или обоснование необходимости осуществления экстремистской деятельности, пропаганду нацистской или сходной с ней до степени смешения символики и атрибутики, а также в наличии призывов к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, что российским законодательством прямо запрещено.

В объективную сторону любого правонарушения входят, в частности, способ его совершения и обстоятельства, способствующие совершению правонарушения, для установления которых может быть необходимым производство судебной экспертизы. Общеизвестно, что эксперты не могут решать правовые вопросы, выходящие за границы их компетенции. При назначении судебной экспертизы судебная практика полагает недопустимым ставить на разрешение эксперта вопросы о наличии признаков состава правонарушения, виновности или невиновности лица, форме вины и т.п. В противном случае заключение судебной экспертизы может быть признано не имеющим доказательственного значения, поскольку эксперт, отвечающий на вышеуказанные вопросы, выходит за пределы своей компетенции⁴⁸. Это объясняется тем, что в юриспруденции действует презумпция, что судьи знают право, поэтому вопросы права не относятся к числу специальных познаний и не ставятся на разрешение экспертов или специалистов. Вопросы, поставленные перед экспертом, и его заключение по ним не могут выходить за пределы специальных познаний лица, которому поручено проведение экспертизы. Решение правовых вопросов не входит в компетенцию экспертов (см. например, постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам»).

Но в нашем случае и правовая квалификация, и лингвистическая интерпретация того же самого состава преступления проводится одними и теми же средствами русского языка, располагающими одним набором терминов и лексическим запасом. Поэтому обратимся к формулировкам экспертных задач и вопросов, решаемых экспертами-лингвистами.

Особенности формулировки вопросов применительно к статье 280 УК РФ. Формулировка вопросов при назначении экспертизы на предмет выявления высказываний, которые могут быть квалифицированы правопримени-

⁴⁸ Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, уголовном и административном процессе. – М.: Норма, 2005, с. 223–225; 268–270.

телем как призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) на практике особых затруднений не вызывает. Здесь следует только предостеречь от постановки вопросов, требующих от эксперта установление наличия признаков состава правонарушения. То есть недопустимо ставить на разрешение эксперта вопрос о выявлении в тексте «призывов к осуществлению именно экстремистской деятельности», так как наличие таковых относится к объективной стороне преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 280 УК РФ. Установление последнего является, безусловно, прерогативой прокурора или суда, а, следовательно, не должно фигурировать в формулировке вопросов, которые ставятся на разрешение какой-либо судебной экспертизы, включая и лингвистическую.

Заметим, что для более полного использования специальных лингвистических знаний и исключения неоднозначности толкования при оценке экспертных заключений рекомендуется не ограничиваться одним, пусть даже самым важным вопросом, но ставить на разрешение эксперта несколько вопросов дополняющих и уточняющих друг друга.

Поэтому для исключения разночтений и четкого разграничения полномочий эксперта, дающего заключение на основе специальных лингвистических знаний, и субъекта, квалифицирующего речевой факт, как правонарушение по ст. 280 УК РФ, целесообразно сформулировать вопросы в следующей редакции:

1. Имеются ли в представленном тексте высказывания или выражения, призывающие к совершению противоправных (экстремистских) действий?

2. Имеются ли в представленном тексте обращения или лозунги, агитирующие за совершение противоправных (экстремистских) действий?

3. Имеются ли в представленном тексте выражения, иницирующие совершение противоправных (экстремистских) действий?

4. Имеются ли в представленном тексте высказывания или выражения, однозначно трактуемые как требование (приказ) совершения противоправных (экстремистских) действий?

Особенности формулировки вопросов применительно к статье 282 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе. Под этим понимается выражение в тексте (высказывании) коммуникативной установки говорящего (пишущего) на создание резко отрицательных рациональных и психологических установок у читающего (слушающего) в отношении другого лица (группы лиц) путем распространения соответствующей информации в различных выразительных формах.

Использование в формулировке диспозиции статьи 282 УК РФ разделительных союзов «либо» и «или» свидетельствует о разделении законодателем действий, за которые предусмотрена уголовная ответственность этой статьей, по видам:

- действия, возбуждающие ненависть;
- действия, возбуждающие вражду;
- действия, направленные на унижение достоинства человека;
- действия, направленные на унижение достоинства группы лиц.

Действия, направленные на унижение достоинства человека либо группы лиц в свою очередь подразделяются на:

- действия, направленные на унижение достоинства по признакам пола;
- действия, направленные на унижение достоинства по признакам расы;
- действия, направленные на унижение достоинства по признакам национальности;
- действия, направленные на унижение достоинства по признакам языка;
- действия, направленные на унижение достоинства по признакам происхождения;
- действия, направленные на унижение достоинства по признакам отношения к религии;
- действия, направленные на унижение достоинства по признакам принадлежности к какой-либо иной социальной группе.

Для уяснения вопроса о том, направлены высказывания на возбуждение расовой, национальной либо социальной розни, либо на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо по признакам принадлежности к какой-либо социальной группе, необходимо определить содержание понятий «расовый», «национальный» и «социальный», «религия».

В основе термина «национальный» лежит понятие «нации».

Нация – исторически сложившаяся общность людей, объединенных экономическими связями, обладающих едиными территорией и языком, отличительными особенностями культуры и характера. В современной литературе существует расхождение при определении нации: некоторые ученые нацию отождествляют с народом, включая в понятие нации общие черты самосознания и социальной структуры, другие определяют нацию как общность по принадлежности к определенному государству^{49, 53}.

⁴⁹ Новейший энциклопедический словарь. – М.: АСТ «Астрель» Транзиткнига, 2004, с. 852.

Нация [лат. Natio – племя, народ] исторически сложившаяся из различных племен и народностей общность людей, объединенная общей территорией, экономическими связями, литературным языком, этническими особенностями культуры и характера⁵⁰.

Термин «*национальный*» [фр. national – лат. natio – народ] определяется как – 1. относящийся к общественно-политической жизни нации, связанный с ее интересами; 2. характерный для данной нации, свойственный именно ей; 3. государственный⁵¹.

«*Национальный* 1. см. нация; 2. Характерный для данной нации, свойственный именно ей»⁵².

Наиболее простым нам представляется следующая обобщающая дефиниция термина «*нация*» – народ, который создал себе зависящее от него правительство и имеет в своем распоряжении территорию, границы которого более или менее уважаются другими нациями (народ, организованный в государство). *Нацию* могут образовывать несколько народов или части различных народов⁵³.

В основе термина «*расовый*» лежит понятие «*расы*».

«*Раса* – исторически сложившаяся группа человечества, объединенная общностью наследственных физических признаков (цветом кожи, глаз, волос, формой черепа и др.), обусловленных общностью происхождения и первоначального расселения. Европеоидная, монголоидная, негроидная р. прил. расовый. Расовые теории. Расовая исключительность. Расовая дискриминация»⁵⁴.

«*Раса* [фр. race ~ лат. ratio категория, разряд] – подразделения вида «человек разумный» (homo sapiens); человеческие расы характеризуются общими наследственными физическими особенностями (цвет кожи, глаз, волос, форма черепа, длина тела и т. д.), связанными с единством происхождения и определенной областью распространения»⁵⁵.

⁵⁰ Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Мн.: Харвест, – М.: МАСТ, 2001, с. 556.

⁵¹ Словарь иностранных слов и выражений./Авт.-сост. Е. С. Зенович.– М.: АСТ; Олимп, 2000. с. 408.

⁵² Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им В.В. Виноградова. – 4 изд., – М.: ИТИ Технологии, 2003, с. 398.

⁵³ Философский энциклопедический словарь. – М.:ИНФРА-М, 1997, с. 291.

⁵⁴ Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им В.В. Виноградова. – 4 изд. – М.: ИТИ Технологии, 2003, с. 657.

⁵⁵ Словарь иностранных слов и выражений / авт.-сост. Е. С. Зенович.– М.: АСТ; Олимп, 2000. с. 514.

Наиболее доходчивым нам видится следующее толкование термина «раса» – в антропологии группа людей, в которой характерный внешний облик обусловлен общими наследственными конституционными признаками (цветом кожи, формой головы, формой лица и носа, формой и цветом волос, размерами тела и т.п.). Основные человеческие расы: европеоидная, негроидная и монголоидная. В широком смысле слова раса представляет собой форму, в которой характер человека находит выражение в его внешних признаках, в частности в форме головы и лица⁵⁶.

Термин «социальный» трактуется как [~ лат. *socialis*] «общественный, связанный с жизнью и отношениями людей в обществе»⁵⁷. Таким же образом определяют этот термин С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова: «Социальный 1. См. социум. 2. Общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе»⁵⁸.

В философии «социальный» это – название всего межчеловеческого, то есть всего того, что связано с совместной жизнью людей, с различными формами их общения, в первую очередь того, что относится к обществу и общности, что имеет общественный и общностный характер⁵⁹.

Таким образом, термин «социальный» наиболее широкий по содержанию, которое включает в себя признаки «религии», «пола», «происхождение», «языка», перечисленные выше. К сожалению, объем работы не дает возможности рассмотреть их подробно, тем не менее, полагаем не лишним дать в этой работе еще ряд кратких толкований основных понятий.

Религия – (от лат. *Religio* – благочестие, набожность, святыня) – мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение, определяемое верой в существование Бога, божества; чувство связанности, зависимости и долженствования по отношению к тайной силе, дающей опору и достойной поклонения. Особенности различных религий должны быть выведены из специфических душевных и народно-психологических особенностей исповедующих религию людей; эти особенности наиболее ярко могут обнаруживаться в различных представлениях о божестве, которые они себе составляют⁶⁰.

Язык – наиболее объемлющее и наиболее дифференцированное средство выражения, которым владеет человек⁶¹.

⁵⁶ Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997, с. 384.

⁵⁷ Словарь иностранных слов и выражений./Авт.-сост. Е. С. Зенович.- М.: АСТ; Олимп, 2000, с. 581.

⁵⁸ Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им В.В. Виноградова. – 4 изд., – М.: ИТИ Технологии, 2003, с. 752.

⁵⁹ Философский энциклопедический словарь. – М.:ИНФРА-М, 1997, с. 430.

⁶⁰ Там же, с. 391.

⁶¹ Там же с. 554.

Происхождение – 1. принадлежность по рождению к какой-нибудь нации, классу, сословию⁶².

Пол – каждый из двух генетически и физиологически противопоставленных разрядов живых существ (мужчин и женщин, самцов, самок), организмов⁶³.

Указание в законе на определенную направленность действий обвиняемого (действия, направленные на ...) предполагает установление в тексте наличия прямого умысла. И уже только по этому основанию оно не относится к компетенции судебной экспертизы. Исходя из направленности действий, целями преступления (ст. 282 УК РФ) являются возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, либо ненависти, а равно унижение национального достоинства. Мотив данного преступления носит чаще всего национальную или религиозную окраску (включает признак пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности)⁶⁴. Прямой умысел в этом случае требует однозначности – возможность альтернативного толкования цели исключает наличие прямого умысла, из чего следует, что инкриминированные действия не содержат состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, так как субъективная сторона состава преступления характеризуется виной в форме прямого умысла.

Здесь также крайне важно при назначении судебной экспертизы и формулировании вопросов эксперту (экспертам) не вторгнуться в компетенцию правоприменителя, поскольку правовая квалификация деяния по ст. 282 УК РФ невозможна без установления умысла и его характера – прямого или косвенного. При этом составными частями умысла право считает цель деяния и его мотивы, разделяя их.

Не менее сложен вопрос о том, как определить силу воздействия информации – степень ее влияния на сознание и поведение с учетом интенсивности эмоциональной окраски текста.

Сила воздействия связана со спецификой и различиями отдельных способов передачи информации – вербальной, иконической; устной и письменной; слуховой и зрительной, зависит от объема, повторяемости информации.

Однако, в любом случае объектом экспертного исследования по данным категориям дел является речевое высказывание или их совокупность (текст). Анализ текста не может осуществляться в отрыве от деятельности автора сообщения и его аудитории.

⁶² Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им В.В. Виноградова. -4 изд., – М.: ИТИ Технологии, 2003, с. 752.

⁶³ Там же, с.551.

⁶⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. - М.: Юрайт, 2004, Комментарий к ст. 282, с. 859.

Не случайно, особую трудность при назначении судебной лингвистической экспертизы по уголовному делу, возбужденному по ст. 282 УК РФ, представляет процесс формулирования вопросов эксперту, именно они определяют стратегию и тактику экспертного исследования. Здесь необходимо придерживаться двух простых и вместе с тем важных правил: во-первых, вопрос должен быть поставлен четко, ясно, не допуская двойного толкования, во-вторых, вопрос не должен выходить за пределы специальных знаний эксперта.

При назначении судебной лингвистической экспертизы в отношении текстов СМИ и публичных высказываний по уголовным делам, *возбужденным по ст. 282 УК РФ*, можно предложить следующие ТИПОВЫЕ формулировки вопросов эксперту-лингвисту⁶⁵.

1. Имеются ли в представленном тексте высказывания, содержащие негативные оценки в адрес какой-либо национальной, конфессиональной или иной социальной группы?

2. Имеются ли в представленном тексте высказывания враждебного, агрессивного либо уничижительного характера по отношению к лицам какой-либо национальности, этнической, конфессиональной или иной социальной группы?

3. Имеются ли в представленном тексте высказывания, содержащие утверждения о возложении ответственности за деяния отдельных представителей на всю этническую группу?

4. Имеются ли в представленном тексте высказывания побудительного характера, содержащие побуждение к насильственным действиям против лиц определенной национальности, расы, религии и или иной социальной принадлежности?

5. Имеются ли в представленном тексте высказывания об изначальной враждебности какой-либо нации, расы или иной социальной группы по отношению к другой?

6. Имеются ли в представленном тексте высказывания об антагонизме, принципиальной несовместимости интересов одной национальной, религиозной, этнической или иной социальной группы по отношению к другой?

7. Имеются ли в представленном тексте высказывания, где бедствия, неблагополучие в прошлом, настоящем и будущем одной социальной, этнической, конфессиональной или иной социальной группы

⁶⁵ За основу взят типовой перечень вопросов, опубликованный в «Памятке по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / Под ред. М.В. Горбаневского». – М: Медея, 2004, с. 37–38.

объясняются существованием и целенаправленной деятельностью (действиями) другой нации, народности, этнической или иной социальной группы?

8. Имеются ли в представленном тексте высказывания, содержащие положительные оценки, восхваление геноцида, депортации, репрессий в отношении представителей какой-либо нации, конфессии, этнической или иной социальной группы?

9. Имеются ли в представленных текстах высказывания, содержащие негативные уничижительные оценки личности как представителя определенной национальности, этноса, расы или иной социальной группы?

Судебная лингвистическая экспертиза может быть назначена как в экспертное учреждение (государственное или негосударственное), либо персонально эксперту (экспертам). Как же выбрать эксперта или экспертное учреждение, куда целесообразно следователю или суду назначать экспертизу по таким категориям дел, какими профессиональными знаниями должны обладать эксперты? Достаточно ли привлекать в качестве экспертов только лингвистов – преподавателей вузов или нужны специалисты с профессиональным экспертным образованием?

Действительно, до недавнего времени судебно-лингвистические исследования спорных текстов выполнялись на уровне искусства – мастерства отдельных наиболее опытных и квалифицированных ученых, зачастую вне стен экспертных учреждений. Хотя привлечение к экспертизе даже авторитетных филологов (не являющихся штатными сотрудниками экспертных учреждений), не всегда оказывается успешным. И это понятно – не будучи профессиональными судебными экспертами, вузовские преподаватели нечетко представляют круг своих прав и ответственность в качестве судебных экспертов за сформулированные выводы, зачастую не видят судебной перспективы сделанных ими умозаключений и суждений. Нередко ими смешиваются задачи теоретических, поисковых научных изысканий и практической экспертной деятельности по установлению фактов, имеющих значение судебных доказательств. В их заключениях вместо научно обоснованных аргументов нередко фигурируют субъективные мнения, которые могут быть вполне приемлемы для научной дискуссии, но не годятся в качестве выводов экспертизы. Да и методы и методики, если они вообще указываются в заключениях, оставляют сомнения в их надежности и практической апробации.

Не случайно обвиняемые в совершении преступления по ст.ст. 280, 282 УК РФ оспаривают в суде обоснованность и достоверность выводов таких заключений экспертов, всеми правдами и неправдами пытаются переквалифицировать на менее тяжкие составы, либо вовсе исключить заключения экспертов из числа доказательств по делу как недопустимые доказательства и избежать таким способом уголовной ответственности.

В то же время в экспертных учреждениях специалистов, способных проводить судебные лингвистические экспертизы по экстремистским материалам, текстам ксенофобной направленности, крайне мало, государственные экспертные учреждения зачастую просто отказываются от производства подобных экспертиз, мотивируя это отсутствием подготовленных экспертов и разработанных методик.

Большой объем текстов, представляемых на судебную лингвистическую экспертизу, трудоемкость и многообразие практических задач, для решения которых необходимы специальные лингвистические знания, и иные причины объективно привели не только к росту числа назначаемых в экспертные учреждения лингвистических экспертиз, но и к увеличению сроков их проведения.

В этих условиях для удовлетворения всевозрастающего социального заказа на судебные лингвистические экспертизы и сокращения сроков их выполнения очевидны два пути. Первый путь – интенсивный. Он связан с повышением производительности имеющихся экспертных средств и методов анализа устных и письменных текстов в целях решения всего многообразия экспертных задач, которые ставятся практикой раскрытия и расследования речевых деликтов и вербальных преступлений. Для этого необходимо разработать новые высокоэффективные методики, позволяющие автоматизировать отдельные этапы лингвистического исследования текста и расширить при этом круг решаемых вопросов. Ранее разработанные и хорошо зарекомендовавшие себя методики могут быть оптимизированы и адаптированы для исследования новых нетрадиционных объектов, поступающих на судебную лингвистическую экспертизу. Для решения типовых задач необходимо сформировать корпуса массивов электронных текстов, создать электронные блоки формализованных бланков экспертных заключений, ускоряющих процедуру оформления результатов проведенных исследований, автоматизировать контент-анализ и поиск по ключевым словам.

Второй путь – экстенсивный, он осуществляется за счет наращивания штатной численности экспертов-лингвистов в государственных и негосударственных экспертных учреждениях. Для этого необходимо готовить экспертов-лингвистов целевым образом в системе высшего профессионального образования. Экспертов-лингвистов пока готовят «штучно» в рамках стажировок и повышения квалификации на базе тех экспертных учреждений, в которых они работают. Целевая подготовка эксперта-лингвиста занимает достаточно большое время и требует обязательного привлечения опытных профессиональных экспертов в качестве наставников, которые есть далеко не во всех государственных и негосударственных экспертных учреждениях.

При этом до последнего времени профессиональных судебных экспертов-лингвистов вообще не готовило ни одно высшее учебное заведение России. Судебных экспертов-лингвистов на должности государственных экспер-

тных учреждений Минюста, МВД, ФСБ России и других ведомств набирают из числа выпускников педагогических или филологических вузов, поэтому обычно они не знают даже основ криминалистики, теории судебной экспертизы, других юридических дисциплин. Естественно, что навыки и знания, необходимые в практической экспертной деятельности, ими приобретаются только по прошествии долгих лет работы в экспертной должности, в течение которых постоянно ощущается недостаток знаний в области юриспруденции, что препятствует получению свидетельства на право самостоятельного производства экспертиз. Тогда как закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» диктует в качестве основного квалификационного требования для аттестации в качестве государственного эксперта наличие допуска на право самостоятельного производства конкретного рода, вида и подвида судебной экспертизы.

Поэтому сегодня для создания квалифицированного корпуса экспертов-лингвистов, способных проводить диагностику криминальной ксенофобии и других высказываний, возбуждающих ненависть и вражду в СМИ и публичных выступлениях, приоритетным направлением становится подготовка молодых профессиональных экспертов-речеведов широкого профиля в рамках вузовского образования.

Такая работа начата на базе Московской государственной юридической академии (МГЮА), где в 2005 году был образован Институт судебных экспертиз МГЮА⁶⁶. Одним из направлений его деятельности является подготовка и обучение профессиональных экспертов-речеведов, в том числе и в рамках второго высшего образования. Уникальность выпускаемых специалистов по данному направлению определяется комплексом дисциплин, изучаемых в рамках учебной программы и дополнительной экспертной специализации. Особое внимание в процессе подготовки уделяется овладению студентами самыми современными методами и методиками автороведческой, лингвистической и других родов судебных речеведческих экспертиз. По окончании вуза выпускникам выдается не только диплом государственного образца с присвоением квалификации «судебный эксперт», но и свидетельство на право производства соответствующего рода судебной экспертизы. Тем самым практика будет обеспечена штатом экспертов-лингвистов, способных решать самые сложные задачи исследования спорных текстов ксенофобной направленности, осуществлять мониторинг текстов СМИ для выявления признаков злоупотребления свободой слова и профилактики речевых правонарушений.

В ходе судебно-лингвистического исследования текста к компетенции экспертов-лингвистов относится выявление в нем высказываний, в которых экстремизм или его разновидности упоминаются как явление, а также выде-

⁶⁶ <http://www.msal.ru>

ление среди них оценочных высказываний ксенофобной направленности, толкование и интерпретация их семантики. Для достижения экспертных целей проводятся следующие виды лингвистического анализа:

– *лексико-семантический анализ* с целью установления лексических значений слов и сочетаний, сопряженных с обозначением словами русского языка явлений экстремизма и его разновидностей;

– *семантико-стилистический и лингвостилистический анализ* с целью установления в тексте наличия оценочных высказываний, содержащих лексемы русского языка, относящиеся к наименованию явлений экстремизма и его разновидностей и определения модальности и знака содержащихся в них оценок (позитивной или негативной).

Судебная лингвистическая экспертиза на современном уровне развития тесно примыкает к другим родам судебных речеведческих экспертиз и может производиться комплексно с компьютерно-технической экспертизой (например, если исследованию подлежит информация на сайте в Интернете), с фоноскопической экспертизой (например, когда объектом исследования является устная речь, представленная в виде фонограммы), автороведческой экспертизой (если возникает вопрос об авторстве анонимного или псевдонимного письменного или устно озвученного текста), почерковедческой экспертизой (например, если автор и исполнитель рукописного текста – разные лица), с судебно-психологической экспертизой и социологической экспертизой.

При этом использование специальных знаний на практике может иметь место в двух формах: привлечения специалиста для консультирования органов предварительного следствия, прокурора, адвоката, разъяснения суду вопросов, входящих в компетенцию специалиста, а также судебной экспертизы, назначаемой по уголовному или гражданскому делу, делу об административном правонарушении.

Статья 58 УПК РФ раскрывает содержание термина «специалист» в уголовном процессе. Специалист – лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в установленном порядке, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Заключение специалиста-лингвиста – это представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным сторонами в отношении речевого произведения, в котором, по оценке органов предварительного расследования, усматриваются (могут содержаться) признаки деяния, ответственность за которое предусмотрена ст. ст. 280, 282 УК РФ. Специалист, не проводя собственно лингвистического исследования спорного речевого произведения, может высказать суждение на основе своих профессиональных филологичес-

ких знаний, например, о смысловой направленности спорного высказывания, о характере восприятия сообщения целевой аудиторией и т.д. Тогда как эксперт-лингвист обязательно составляет письменное заключение исключительно по результатам исследования спорного текста на основе такого процессуального документа как постановление (определение) о назначении судебной лингвистической экспертизы, вынесенного компетентным должностным лицом или органом (следователем, прокурором, дознавателем или судом).

Обращаем внимание, что не только следователь, суд, но и защитник (адвокат) может привлекать профессиональных филологов в качестве специалистов в соответствии со статьей 58 УПК РФ⁶⁷ для оказания юридической помощи, в порядке, установленном частью третьей статьи 86 УПК РФ⁶⁸. Защитник может получить от специалиста письменное заключение по вопросам, входящим в его компетенцию. В соответствии с п. 31 (введен Федеральным законом от 04.07.2003 г. № 92-ФЗ) заключение специалиста и его показания допускаются в качестве доказательства наравне с заключением эксперта и его показаниями.

Привлечение к участию в судопроизводстве специалиста позволяет значительно расширить круг научных и технических средств, применяемых при производстве следственных действий для обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств.

Согласно статье 57 УПК РФ экспертом признается любое лицо, обладающее необходимыми специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном УПК РФ, для производства судебной экспертизы и, искусства или ремесла.

Эксперт в силу своего статуса в уголовном процессе вправе:

- 1) ознакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы;
- 2) ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов;
- 3) участвовать с разрешения дознавателя, следователя, прокурора и суда в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы;
- 4) давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования;
- 5) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права;
- 6) отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний, а также в случаях, если представленные ему материа-

⁶⁷ П. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ.

⁶⁸ П. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ.

лы недостаточны для дачи заключения. Отказ от дачи заключения должен быть заявлен экспертом в письменном виде с изложением мотивов отказа.

В то же время эксперт не имеет права:

1) без ведома следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы;

2) самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования;

3) проводить без разрешения дознавателя, следователя, суда исследования, могущие повлечь полное или частичное уничтожение объектов либо изменение их внешнего вида или основных свойств;

4) давать заведомо ложное заключение;

5) разглашать данные предварительного расследования, ставшие известными ему в связи с участием в уголовном деле в качестве эксперта, если он был об этом заранее предупрежден в установленном порядке;

6) уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя, прокурора или в суд.

За дачу заведомо ложного заключения эксперт несет ответственность в соответствии со статьей 307 Уголовного кодекса Российской Федерации.

За разглашение данных предварительного расследования эксперт несет ответственность в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации.

При назначении и производстве судебной экспертизы подозреваемый, обвиняемый, его защитник вправе:

1) ознакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы;

2) заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении;

3) ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении;

4) ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту;

5) присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту;

6) ознакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта.

Свидетель и потерпевший, в отношении которых производилась судебная экспертиза, вправе ознакомиться с заключением эксперта.

При производстве судебной экспертизы в экспертном учреждении следователь направляет руководителю соответствующего экспертного учреждения постановление о назначении судебной экспертизы и материалы, необходимые для ее производства.

Руководитель экспертного учреждения после получения постановления поручает производство судебной экспертизы конкретному эксперту или нескольким экспертам из числа работников данного учреждения и уведомляет об этом следователя. При этом руководитель экспертного учреждения, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения, разъясняет эксперту его права и ответственность, предусмотренные статьей 57 УПК РФ.

Руководитель экспертного учреждения вправе возвратить без исполнения постановление о назначении судебной экспертизы и материалы, представленные для ее производства, если в данном учреждении нет эксперта конкретной специальности либо специальных условий для проведения исследований, указав мотивы, по которым производится возврат.

Если судебная экспертиза производится вне экспертного учреждения, то следователь вручает постановление и необходимые материалы эксперту и разъясняет ему права и ответственность, предусмотренные статьей 57 УПК РФ.

Эксперт вправе возвратить без исполнения постановление, если представленных материалов недостаточно для производства судебной экспертизы или если он считает, что не обладает достаточными знаниями для ее производства.

Комиссионная судебная экспертиза производится не менее чем двумя экспертами одной специальности. Комиссионный характер экспертизы определяется следователем, судом либо руководителем экспертного учреждения, которому поручено производство судебной экспертизы.

Если по результатам проведенных исследований мнения экспертов по поставленным вопросам совпадают, то ими составляется единое заключение. В случае возникновения разногласий каждый из экспертов, участвовавших в производстве комиссионной судебной экспертизы, дает отдельное заключение по вопросам, вызвавшим разногласие.

Судебная экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей, например, эксперт-лингвист и эксперт-психолог, является комплексной.

В заключении экспертов, участвующих в производстве комплексной судебной экспертизы, указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность.

Таким образом, если выносится постановление следователя или определение суда о назначении экспертизы, то экспертное исследование приобретает процессуальный характер и требует обязательного выполнения целого ряда определенных законом правил.

Во всех остальных случаях, когда исследование проводится на основании письменного обращения адвоката, физического или юридического лица,

общественного объединения или иного субъекта – инициатора исследования, требующего использования профессиональных знаний, оно не является судебной экспертизой, а потому порядок действий и форма заключения специалиста-лингвиста процессуально не регламентирована. Это одна из непроцессуальных форм использования специальных познаний, которая, впрочем, не исключает в дальнейшем возможности приобщения полученных таким способом результатов к материалам дела.

Заметим, что в силу п. 4 ст. 271 УПК РФ суд **не вправе** (выд. – авт.) отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон.

Традиционно под специальными знаниями понимают знания, выходящие за рамки общеобразовательной подготовки и простого житейского опыта, приобретаемые в процессе профессиональной деятельности в той или иной области науки, техники или ремесел, основанные на теоретических, методологических положениях соответствующих областей знаний и подкрепленные навыками, полученными в ходе специального обучения или опыта профессиональной деятельности. Правовые знания, которыми обладают судьи, прокуроры, следователи и иные лица юридических специальностей в контексте рассматриваемого вопроса, к специальным познаниям, как правило, не относятся. Таким образом, (еще раз подчеркнем) решение правовых вопросов к компетенции судебных экспертов на данном этапе развития общественных отношений не относится.

Нередко возникает вопрос: если в постановлении следователя (определении суда) формулировка вопроса некорректна или неграмотна, вправе ли эксперт переформулировать поставленные вопросы и если да, то в каких пределах это допустимо? Не изменится ли при этом существо и основной смысл вопроса? Не будут ли при этом нарушены права участников гражданского или уголовного процесса, что в дальнейшем может привести к отмене или пересмотру вынесенных приговоров и решений суда? Отвечая на него, укажем, что ни в одном процессуальном кодексе, равно как и в Федеральном законе «О государственной судебной-экспертной деятельности в Российской Федерации» судебному эксперту не предоставляется право переформулировать вопросы, выносимые на его разрешение. Он может только обратиться к следователю или суду с ходатайством о предоставлении дополнительных материалов.

Поэтому эксперт обязан привести в своем заключении вопросы из постановления (определения суда) буквально, оформив их в кавычках как дословное цитирование с сохранением исходной орфографии и пунктуации. Если вопросы поставлены некорректно, неграмотно или содержат грамматические или орфографические ошибки, в дальнейшем эксперт вправе указать свое понимание формулировки вопроса. Если поставленный вопрос выходит за рамки специальных знаний эксперта, он должен отказаться от его решения, мотивировав его в заключении.

Если в формулировке вопроса содержится цитата из исходного текста, оспариваемого сторонами, но сама цитата приведена неточно, содержит ошибки, то после того, как вопрос процитирован (со всеми ошибками и неточностями), эксперт далее должен указать, что сравнение с исходным текстом выявило наличие определенных неточностей. В сложных случаях, когда исходный текст может иметь неоднозначное происхождение (например, одна и та же статья опубликована в разных изданиях с текстуальными расхождениями), эксперт вправе обратиться к инициатору экспертизы с ходатайством о предоставлении ему точного текста, подлежащего экспертизе, или об уточнении экспертного задания.

Ни при каких условиях эксперт не вправе самостоятельно добывать исследуемые материалы (например, сам добывать электронную версию статьи, опубликованной на сайтах Интернета, сам сделать хорошо читаемую ксерокопию исходного текста в библиотеке). Даже если представлена плохо читаемая ксерокопия текста, с дефектами, неточностями или ошибками, эксперт обязан сообщить инициатору экспертизы о том, что материал неполон или недоброкачествен, запросить дополнительные материалы. Факт запроса и получение новых материалов или дополнительных материалов обязательно отражается в тексте экспертного заключения.

По уголовному делу лингвистическая экспертиза может быть назначена и в ходе судебного разбирательства по ходатайству сторон или по собственной инициативе суда. Согласно ст. 283 УПК РФ, председательствующий предлагает сторонам представить эксперту в письменном виде вопросы, которые должны быть оглашены и по ним должны быть заслушаны мнения участников судебного разбирательства. Суд своим определением или постановлением отклоняет те из них, которые не относятся к делу или к компетенции эксперта, формулирует новые вопросы. Для вынесения определения о назначении экспертизы суд обязательно удаляется в совещательную комнату.

В заключении эксперта (ст. 204 УПК РФ) обязательно указываются:

- 1) дата, время и место производства судебной экспертизы;
- 2) основания производства судебной экспертизы;
- 3) должностное лицо, назначившее судебную экспертизу;
- 4) сведения об экспертном учреждении, а также фамилия, имя и отчество эксперта, его образование, специальность, стаж работы, ученая степень и (или) ученое звание, занимаемая должность;
- 5) сведения о предупреждении эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- 6) вопросы, поставленные перед экспертом;
- 7) объекты исследований и материалы, представленные для производства судебной экспертизы;
- 8) данные о лицах, присутствовавших при производстве судебной экспертизы;

9) содержание и результаты исследований с указанием примененных методик;

10) выводы по поставленным перед экспертом вопросам и их обоснование.

Если при производстве судебной экспертизы эксперт установит обстоятельства, которые имеют значение для уголовного дела, но по поводу которых ему не были поставлены вопросы, то он вправе указать на них в своем заключении.

Материалы, иллюстрирующие заключение эксперта (фотографии, схемы, графики и т.п.), прилагаются к заключению и являются его составной частью.

Следователь вправе по собственной инициативе либо по ходатайству лиц, указанных в части первой статьи 206 УПК РФ, допросить эксперта для разъяснения данного им заключения. Допрос эксперта до представления им заключения не допускается.

Эксперт не может быть допрошен по поводу сведений, ставших ему известными в связи с производством судебной экспертизы, если они не относятся к предмету данной судебной экспертизы.

Заключение эксперта или его сообщение о невозможности дать заключение, а также протокол допроса эксперта предъявляются следователем подозреваемому, обвиняемому, его защитнику, которым разъясняется при этом право ходатайствовать о назначении дополнительной либо повторной судебной экспертизы.

Действующий Гражданско-процессуальный кодекс РФ также уделяет значительное внимание процедуре назначения экспертизы и статусу эксперта.

Закон гласит, что при возникновении в процессе рассмотрения гражданского дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, суд назначает экспертизу. Проведение экспертизы может быть поручено судебному экспертному учреждению, конкретному эксперту или нескольким экспертам.

Каждая из сторон и другие лица, участвующие в деле, вправе представить суду вопросы, подлежащие разрешению при проведении экспертизы. Окончательный круг вопросов, по которым требуется заключение эксперта, определяется судом. Отклонение предложенных вопросов суд обязан мотивировать.

Стороны, другие лица, участвующие в деле, имеют право просить суд назначить проведение экспертизы в конкретном судебном экспертном учреждении или поручить ее конкретному эксперту; заявлять отвод эксперту; формулировать вопросы для эксперта; знакомиться с определением суда о назначении экспертизы и со сформулированными в нем вопросами; знакомиться с заключением эксперта; ходатайствовать перед судом о назначении повторной, дополнительной, комплексной или комиссионной экспертизы.

При уклонении стороны от участия в экспертизе, непредставлении экспертам необходимых материалов и документов для исследования и в иных случаях, если по обстоятельствам дела и без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым.

В определении о назначении экспертизы суд указывает наименование суда; дату назначения экспертизы; наименования сторон по рассматриваемому делу; наименование экспертизы; факты, для подтверждения или опровержения которых назначается экспертиза; вопросы, поставленные перед экспертом; фамилию, имя и отчество эксперта либо наименование экспертного учреждения, которому поручается проведение экспертизы; представленные эксперту материалы и документы для сравнительного исследования; особые условия обращения с ними при исследовании, если они необходимы; наименование стороны, которая производит оплату экспертизы.

В определении суда также указывается, что за дачу заведомо ложного заключения эксперт предупреждается судом или руководителем судебно-экспертного учреждения, если экспертиза проводится специалистом этого учреждения, об ответственности, предусмотренной Уголовным кодексом Российской Федерации.

Комплексная экспертиза назначается судом, если установление обстоятельств по делу требует одновременного проведения исследований с использованием различных областей знания или с использованием различных научных направлений в пределах одной области знания.

Комплексная экспертиза поручается нескольким экспертам. По результатам проведенных исследований эксперты формулируют общий вывод об обстоятельствах и излагают его в заключении, которое подписывается всеми экспертами.

Эксперты, которые не участвовали в формулировании общего вывода или не согласны с ним, подписывают только свою исследовательскую часть заключения.

Комиссионная экспертиза назначается судом для установления обстоятельств двумя или более экспертами в одной области знания.

Эксперты совещаются между собой и, придя к общему выводу, формулируют его и подписывают заключение.

Эксперт, не согласный с другим экспертом или другими экспертами, вправе дать отдельное заключение по всем или отдельным вопросам, вызвавшим разногласия.

Экспертиза проводится экспертами судебно-экспертных учреждений по поручению руководителей этих учреждений или иными экспертами, которым она поручена судом.

Экспертиза проводится в судебном заседании или вне заседания, если это необходимо по характеру исследований либо при невозможности или затруднении доставить материалы или документы для исследования в заседании.

Лица, участвующие в деле, вправе присутствовать при проведении экспертизы, за исключением случаев, если такое присутствие может помешать исследованию, совещанию экспертов и составлению заключения.

Эксперт обязан принять к производству порученную ему судом экспертизу и провести полное исследование представленных материалов и документов; дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам и направить его в суд, назначивший экспертизу; явиться по вызову суда для личного участия в судебном заседании и ответить на вопросы, связанные с проведенным исследованием и данным им заключением.

В случае, если поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта, либо материалы и документы непригодны или недостаточны для проведения исследований и дачи заключения, эксперт обязан направить в суд, назначивший экспертизу, мотивированное сообщение в письменной форме о невозможности дать заключение.

Эксперт обеспечивает сохранность представленных ему для исследования материалов и документов и возвращает их в суд вместе с заключением или сообщением о невозможности дать заключение.

Эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для проведения экспертизы; вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела; разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с проведением экспертизы, или сообщать кому-либо о результатах экспертизы, за исключением суда, ее назначившего.

Эксперт, поскольку это необходимо для дачи заключения, имеет право знакомиться с материалами дела, относящимися к предмету экспертизы; просить суд о предоставлении ему дополнительных материалов и документов для исследования; задавать в судебном заседании вопросы лицам, участвующим в деле, и свидетелям; ходатайствовать о привлечении к проведению экспертизы других экспертов.

Эксперт дает заключение в письменной форме. Этот документ должен содержать подробное описание проведенного исследования, сделанные в результате его выводы и ответы на поставленные судом вопросы. В случае, если эксперт при проведении экспертизы установит имеющие значение для рассмотрения и разрешения дела обстоятельства, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он вправе включить выводы об этих обстоятельствах в свое заключение.

Заключение эксперта для суда необязательно и оценивается судом наряду с другими доказательствами. Несогласие суда с заключением должно быть мотивировано в решении или определении суда.

На время проведения экспертизы производство по делу может быть приостановлено.

В случаях недостаточной ясности или неполноты заключения эксперта суд может назначить дополнительную экспертизу, поручив ее проведение тому же или другому эксперту.

В связи с возникшими сомнениями в правильности или обоснованности ранее данного заключения, наличием противоречий в заключениях нескольких экспертов суд может назначить по тем же вопросам повторную экспертизу, проведение которой поручается другому эксперту или другим экспертам. В определении суда о назначении дополнительной или повторной экспертизы должны быть изложены мотивы несогласия суда с ранее данным заключением эксперта или экспертов.

Статус эксперта и порядок назначения экспертизы подробно регламентированы и в действующем Арбитражно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Согласно статье 55 АПК РФ, экспертом в арбитражном суде является лицо, обладающее специальными знаниями по кающемуся рассматриваемому делу вопросам и назначенное судом для дачи заключения в случаях и в порядке, которые предусмотрены настоящим Кодексом.

Закон гласит, что лицо, которому поручено проведение экспертизы, обязано по вызову арбитражного суда явиться в суд и дать объективное заключение по поставленным вопросам.

Эксперту предоставлено право с разрешения арбитражного суда знакомиться с материалами дела, участвовать в судебных заседаниях, задавать вопросы лицам, участвующим в деле, и свидетелям, заявлять ходатайство о представлении ему дополнительных материалов.

В тоже время эксперт имеет право отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы его специальных знаний, а также в случае, если представленные ему материалы недостаточны для дачи заключения.

Универсальным для всех видов процесса является то, что за дачу заведомо ложного заключения эксперт несет уголовную ответственность, о чем он предупреждается арбитражным судом и дает подписку.

Согласно положений статьи 82 АПК РФ для разъяснения возникающих при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных знаний, арбитражный суд назначает экспертизу по ходатайству лица, участвующего в деле, или с согласия лиц, участвующих в деле. В случае, если назначение экспертизы предписано законом или предусмотрено договором либо необходимо для проверки заявления о фальсификации представленного доказательства

либо если необходимо проведение дополнительной или повторной экспертизы, арбитражный суд может назначить экспертизу по своей инициативе.

Круг и содержание вопросов, по которым должна быть проведена экспертиза, всегда определяются самим арбитражным судом. Лица, участвующие в деле, вправе представить в арбитражный суд вопросы, которые должны быть разъяснены при проведении экспертизы. Отклонение вопросов, представленных лицами, участвующими в деле, суд обязан мотивировать.

Лица, участвующие в деле, вправе ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц или о проведении экспертизы в конкретном экспертном учреждении, заявлять отвод эксперту; ходатайствовать о внесении в определение о назначении экспертизы дополнительных вопросов, поставленных перед экспертом; давать объяснения эксперту; знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение; ходатайствовать о проведении дополнительной или повторной экспертизы.

О назначении экспертизы или об отклонении ходатайства о назначении экспертизы арбитражный суд выносит мотивированное определение.

В определении о назначении экспертизы должны быть обязательно указаны основания для назначения экспертизы; фамилия, имя и отчество эксперта или наименование экспертного учреждения, в котором должна быть проведена экспертиза; вопросы, поставленные перед экспертом; материалы и документы, предоставляемые в распоряжение эксперта; срок, в течение которого должна быть проведена экспертиза и должно быть представлено заключение в арбитражный суд.

В определении также указывается на предупреждение эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

Согласно требованию статьи 83 АПК РФ судебная экспертиза проводится государственными судебными экспертами по поручению руководителя экспертного учреждения и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями, в соответствии с федеральным законом. Проведение экспертизы может быть поручено нескольким экспертам.

Лица, участвующие в деле, могут присутствовать при проведении экспертизы, за исключением случаев, если такое присутствие способно помешать нормальной работе экспертов, но не вправе вмешиваться в ход исследований.

При составлении экспертом заключения и на стадии совещания экспертов и формулирования выводов, если судебная экспертиза проводится комиссией экспертов, присутствие участников арбитражного процесса не допускается.

Закон предусматривает также возможность назначения комиссионной экспертизы, которая проводится не менее чем двумя экспертами одной специальности. Комиссионный характер экспертизы определяется арбитражным судом.

В случае, если по результатам проведенных исследований мнения экспертов по поставленным вопросам совпадают, экспертами составляется единое заключение. В случае возникновения разногласий каждый из экспертов, участвовавших в проведении экспертизы, дает отдельное заключение по вопросам, вызвавшим разногласия экспертов.

Особый статус имеет комплексная экспертиза, проводимая не менее чем двумя экспертами разных специальностей.

В заключении такой экспертизы указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвовавший в проведении комплексной экспертизы, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность. Общий вывод делают эксперты, компетентные в оценке полученных результатов и формулировании данного вывода.

На основании проведенных исследований и с учетом их результатов эксперт от своего имени или комиссия экспертов дает заключение в письменной форме и подписывает его.

Заключение эксперта оглашается в судебном заседании и исследуется наряду с другими доказательствами по делу.

По ходатайству лица, участвующего в деле, или по инициативе арбитражного суда эксперт может быть вызван в судебное заседание.

Эксперт после оглашения его заключения вправе дать по нему необходимые пояснения, а также обязан ответить на дополнительные вопросы лиц, участвующих в деле, и суда. Ответы эксперта на дополнительные вопросы заносятся в протокол судебного заседания.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, принятый 30 декабря 2001 года, впервые узаконил активное участие эксперта в административном процессе.

Согласно статье 26.4 КоАП РФ, в случаях, если при производстве по делу об административном правонарушении возникает необходимость в использовании специальных познаний в науке, технике, искусстве или ремесле, судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, выносит определение о назначении экспертизы. Определение обязательно для исполнения экспертами или учреждениями, которым поручено проведение экспертизы. В определении указываются:

- 1) основания для назначения экспертизы;
- 2) фамилия, имя, отчество эксперта или наименование учреждения, в котором должна быть проведена экспертиза;
- 3) вопросы, поставленные перед экспертом;
- 4) перечень материалов, предоставляемых в распоряжение эксперта.

Кроме того, в определении должны быть записи о разъяснении эксперту его прав и обязанностей и о предупреждении его об административной ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

Вопросы, поставленные перед экспертом, и его заключение не могут выходить за пределы специальных познаний эксперта.

До направления определения для исполнения судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело об административном правонарушении, обязаны ознакомить с ним лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, и потерпевшего, разъяснить им права, в том числе право заявлять отвод эксперту, право просить о привлечении в качестве эксперта указанных ими лиц, право ставить вопросы для дачи на них ответов в заключении эксперта.

Эксперт дает заключение в письменной форме от своего имени. В заключении эксперта должно быть указано, кем и на каком основании проводились исследования, их содержание, должны быть даны обоснованные ответы на поставленные перед экспертом вопросы и сделаны выводы.

Заключение эксперта не является обязательным для судьи, органа, должностного лица, в производстве которых находится дело об административном правонарушении, однако несогласие с заключением эксперта должно быть мотивировано.

Если принято решение о производстве судебной лингвистической экспертизы в судебно-экспертном учреждении, следователь (дознатель, прокурор, судья, суд) направляет руководителю этого учреждения сопроводительным письмом постановление (определение) о назначении судебной лингвистической экспертизы и материалы, необходимые для ее производства.

Деятельность экспертов государственных экспертных учреждений и лиц, не являющихся государственными судебными экспертами, регламентируется Федеральным законом № 73 от 31 мая 2001 года «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», который внятно определил правовую основу, принципы организации и основные направления экспертной деятельности в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. Закон регламентирует деятельность как государственных экспертов и соответствующих учреждений, так и практически на равных основаниях допускает в силу ст. 41 к производству экспертизы негосударственных экспертов.

В рассматриваемом нами случае противодействия словесному экстремизму задачей деятельности судебного эксперта-лингвиста является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям и прокурорам в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам, возбужденным по ст.ст. 280, 282 УК РФ, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области лингвистической науки. Названный закон утверждает общие прин-

ципы судебно-экспертной деятельности, а именно законность, соблюдение прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также принципы независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники.

Судебная лингвистическая экспертиза может производиться государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями. Таковыми могут быть сотрудники неэкспертных организаций, выступающие в функции индивидуального предпринимателя. Согласно ст. 17 Федерального Закона от 08 августа 2001 г. № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» на осуществление юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем судебно-экспертной деятельности лицензии не требуется.

Судебные экспертизы по уголовным делам назначаются обычно в государственные экспертные учреждения. Закон не ограничивает следователя в выборе судебно-экспертного учреждения. Однако в тех случаях, когда государственных экспертных учреждений не имеют специально подготовленных и квалифицированных экспертов-лингвистов, судебные лингвистические экспертизы могут быть назначены и в негосударственные экспертные учреждения (например, в ГЛЭДИС и в ее региональных представительствах) или негосударственным экспертам – сотрудникам или преподавателям филологических факультетов вузов, иным экспертам из числа лиц, обладающих необходимыми специальными знаниями, имеющими известность в научных кругах и авторитет в той или иной области филологии.

Заметим, что действующее законодательство не требует, чтобы экспертное учреждение было обязательно государственным. Так например, в п. 60 ст. 5 УПК РФ указывается, что экспертное учреждение – это государственное судебно-экспертное учреждение или иное учреждение, которому поручено производство судебной экспертизы в порядке, установленном УПК РФ.

Для производства судебной лингвистической экспертизы орган или лицо ее назначившие должны предоставить в распоряжение эксперта объекты исследований и материалы дела, необходимые для проведения исследования и дачи заключения. Объекты лингвистической экспертизы это – тексты, произведения устной или письменной речи, зафиксированные на том или ином носителе.

По гражданским делам, нередко на экспертизу представляется гражданское дело в подлиннике или ксерокопиях в полном объеме. По уголовным делам представляются, как правило, только те материалы дела, которые имеют непосредственное отношение к предмету экспертного исследования.

Объекты, представляемые на лингвистическую экспертизу, должны быть надлежащим образом упакованы, снабжены пояснительными ярлыками и опечатаны так, чтобы исключить возможность их подмены.

В тех случаях, когда объектами исследований являются письменные тексты (например, газетные или журнальные публикации) на экспертизу должны быть представлены само издание или вырезка из него, содержащая помимо текста статьи, подлежащего экспертизе, и выходные данные, позволяющие идентифицировать конкретный экземпляр издания. Допустимо представлять ксерокопии исследуемых текстов, достоверность которых подтверждена подписями надлежащих должностных лиц (инициаторов судебно-экспертного исследования). Здесь надо отметить, что ксерокопии должны быть хорошего качества, хорошо читаемыми, без изъянов или купюр.

Если объектом экспертизы является книга, то на экспертизу книга представляется в полном объеме в упаковке, опечатанной печатями лица или органа, назначившего экспертизу.

Если объектом экспертизы является устная речь (например, выступления на митинге, на собрании, интервью и т.д.), то на лингвистическую экспертизу представляется фонограмма или видеофонограмма, зафиксированная на аудио- или видеокассете, приобщенная к материалам дела в упакованном и опечатанном виде. Нередко на лингвистическую экспертизу представляется не оригинал, а копия, специально изготовленная для того, чтобы избежать случайного повреждения и порчи оригинала – вещественного доказательства. В таких случаях факт изготовления копии и представления ее на экспертизу должен быть отражен в постановлении (определении) о назначении экспертизы. Изготовленная копия фонограммы должна быть процессуально оформлена и приобщена к делу в качестве производного вещественного доказательства. Это необходимо для устранения возможных недоразумений при производстве повторных или дополнительных экспертиз, например, в случае, если эксперт ошибочно, неправильно воспринял на слух зашумленный или искаженный текст, что вызовет расхождения с исходным текстом и текстом в протоколе прослушивания фонограммы.

При назначении лингвистической экспертизы устного текста представление на экспертизу самой фонограммы (видеофонограммы) обязательно. Недопустимо проводить лингвистическую экспертизу только на основе так называемой «расшифровки» или распечатки стенограммы, составленной следователем или иным лицом, проводившим прослушивание фонограммы. Даже если в материалах дела имеется текст, составленный специалистом или экспертом (например, при производстве экспертиз иного рода или вида, например, фоноскопической экспертизы), сама фонограмма все равно обязательно должна быть представлена на лингвистическую экспертизу; важно проверить правильность отражения в письменной форме звучащего текста с точки зрения его лингвистической целостности и связности, семантической правильности передачи нюансов интонации и просодии знаками препинания и иными символами и графическими обозначениями.

Особую сложность для лингвистов-экспертов могут составить зашумленные фонограммы, а также фонограммы, полученные в необычных условиях. В силу ограниченности объема данного научно-методического издания здесь мы не будем подробно останавливаться на всех тонкостях их исследования в рамках лингвистической экспертизы, посвятив этому вопросу наши будущие публикации и рекомендуя читателям книги обратиться к другим специальным источникам⁶⁹.

Для решения ряда вопросов судебной лингвистической экспертизы могут потребоваться сравнительные материалы.

Подбор образцов для сравнительного исследования⁷⁰ является частью процедуры подготовки проведения лингвистической экспертизы. Все образцы, направляемые на экспертизу, должны быть необходимого качества и количества.

Образцы для сравнительного исследования могут потребоваться для решения таких вопросов как установление авторства спорного текста (устного или письменного), содержащего признаки словесного экстремизма.

Сравнительные образцы могут быть как свободными, так и экспериментальными. Свободными образцами являются такие письменные тексты (или устные высказывания), которые образовались до возбуждения уголовного дела, от начала производства по гражданскому делу, до составления протокола об административном правонарушении (например, по делам, связанным с изготовлением экстремистской книжной продукции) и вне связи с ними.

Условно-свободные образцы речи – это тексты (как устные, так и письменные), составленные в связи с расследуемым делом или после его возбуждения, но не специально для экспертизы: различные жалобы, объяснительные записки, заявления и другие тексты, составленные уже в период расследования. Экспериментальные образцы речи – это тексты, составленные проверяемыми лицами по предложению и в присутствии следователя или судьи специально для проведения судебной экспертизы.

Первостепенное значение имеет качество экспериментальных образцов, которое обеспечивается их соответствием исследуемому документу по языку, стилистической принадлежности, целевому назначению и теме, адресату,

⁶⁹ См., например: Галяшина Е.И. Судебная фоноскопическая экспертиза. - М., 2001; Галяшина Е.И. Прикладные аспекты судебной фоноскопической экспертизы //Теория и практика судебной экспертизы. – С-Петербург, 2002.

⁷⁰ См. подробнее, например: Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности». – М.: Право и закон, 2002; Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском и арбитражном процессе. – М.: Право и закон, 1996.

характеру речевого общения и по состоянию автора. Экспериментальные образцы письменной речи составляются проверяемыми лицами в виде самостоятельного сочинения; вначале отбираются образцы в виде сочинения на самостоятельно избранную проверяемым лицом тему, при этом следователь (судья) указывает лишь форму письменной речи в рамках определенного функционального стиля (письмо, объяснительная записка, жалоба и т.д.) и язык изложения, если проверяемое лицо владеет несколькими языками. Затем образцы составляются в виде сочинения на тему, предложенную следователем (судьей). Тема, целевое назначение, форма письменной речи, характер речевого общения, личность адресата (в том случае, если предполагаемый автор знает адресата, знаком с ним) указываются с учетом особенностей исследуемого документа.

Наряду с образцами письменной речи могут быть использованы и образцы устной речи в виде записей на магнитофонной ленте; требования к этим образцам совпадают с вышеизложенными, специфика состоит лишь в том, что отбор этих экспериментальных образцов не должен сопровождаться намеренным изменением речевых свойств предполагаемого автора, что достигается особыми условиями производства звукозаписи (здесь важно не смешивать два следственных действия: отбор образцов речи на экспертизу и допрос).

При определении количества экспериментальных образцов важно учитывать, насколько полно (в качественном и количественном отношении) представлены свободные образцы. Чем меньше удовлетворяют свободные образцы этому условию, тем больше должно быть представлено экспериментальных образцов. При подготовке образцов письменной речи важно, чтобы они в наибольшей степени подходили исследуемому документу по характеристикам ситуаций письменного общения. Единые рекомендации о количестве образцов письменной речи дать трудно, однако в каждом конкретном случае нужно учитывать следующие факторы: чем меньше объем исследуемого текста, тем в большем количестве должны быть представлены образцы; чем меньше отвечают образцы требованиям сопоставимости, тем больше их нужно. Однако количеством далеко не всегда можно компенсировать ненадлежащее качество.

Образцы могут быть получены при производстве обыска, выемки, осмотра, а также от подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей в порядке ст. 86 УПК РФ, когда следователь может истребовать от учреждений, предприятий, организаций и должностных лиц, граждан предоставления необходимых документов, например, собственноручно исполненных писем, дневников, заявлений, жалоб, автобиографий и т.д. В гражданском и арбитражном процессе свободные образцы представляются сторонами, например, свободными образцами могут быть статьи, книги автора, вышедшие в свет до начала производства по делу.

Следователь вправе получить образцы для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого, а также у свидетеля или потерпевшего в случаях, когда возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах, и составить протокол в соответствии со статьями 166 и 167 УПК РФ, за исключением требования об участии понятых. При получении образцов для сравнительного исследования не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство. О получении образцов для сравнительного исследования следователь выносит постановление. В необходимых случаях получение образцов производится с участием специалистов. Если получение образцов для сравнительного исследования является частью судебной экспертизы, то оно производится экспертом. В этом случае сведения о производстве указанного действия эксперт отражает в своем заключении.

Особое значение имеет достоверность происхождения образцов от конкретного лица. Сравнительные образцы при назначении лингвистической экспертизы – это обычно тексты, авторство которых не вызывает сомнений, оно достоверно установлено и процессуально оформлено.

Распространенной ошибкой является представление в качестве сравнительных образцов книг или иных литературных произведений, выполненных в соавторстве, литературно обработанных или отредактированных другим лицом. В результате сравнение с письменными текстами, являющимися предметом спора, будет недостоверным, так как исходные сравнительные образцы изначально содержат совокупности индивидуальных стилистических приемов и особенностей разных лиц, а проявление индивидуального стиля автора может маскироваться редактированием текста.

Экспериментальные текстовые образцы избираются в определенных условиях, специально в связи подготовкой судебной лингвистической экспертизы на основании статьи 202 УПК РФ. Об отборе сравнительных образцов для сравнительного исследования составляется специальное постановление. В некоторых случаях для решения конкретной задачи лингвистической экспертизы необходимы сравнительные образцы, отбор которых является частью самих экспертных задач, возможно участие специалиста-лингвиста для содействия сбору объектов и образцов. Более того, если получение образцов – это часть экспертного исследования (например, когда необходимо проведение лингвистического эксперимента в рамках решения конкретной экспертной задачи), то оно производится самим экспертом. Однако при этом эксперт должен обязательно отразить в тексте своего заключения не только факт получения образцов таким способом, но и описать всю процедуру проведенных экспериментов.

Эксперт-лингвист вправе отказаться от дачи заключения, если поставленные ему вопросы выходят за пределы его специальных знаний, или пред-

ставленные ему материалы недостаточны для дачи заключения (статьи 16, 17 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»). Эксперт действует по поручению суда (следователя) и исследует только те материалы, которые предоставлены в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным или гражданско-процессуальным законодательством, и не наделен правом самостоятельно собирать доказательства. Указанное положение относится и к ситуации получения экспериментальных образцов, которые также должны быть предоставлены в процессуальном порядке и не могут добываться экспертом самостоятельно.

Если судебная лингвистическая экспертиза произведена на основании определения суда или постановления следователя, эксперт составляет документ, называемый ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА или ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОМИССИИ ЭКСПЕРТОВ. В этом случае данный документ имеет процессуальное значение – источника доказательств, а факты, в нем содержащиеся, являются доказательствами. Оформляется он в точном соответствии с процессуальными нормами.

Если лингвистическое исследование проводится по письму (запросу) юридического или физического лица (адвокатского бюро, адвоката, гражданина и т.д.), то по результатам исследования составляется документ, который может иметь любое другое наименование, например: «Акт экспертного исследования», «Экспертное заключение», «Экспертное исследование», «Заключение специалиста», «Компетентное мнение сведущего лица», «Научно-консультационное заключение специалиста» и т.д. В этом случае он оформляется как развернутый, обоснованный ответ на поставленные вопросы без жесткой регламентации правил его составления и оформления.

Практика производства судебных экспертиз выработала общие требования к оформлению заключения судебной лингвистической экспертизы.

Во вводной части экспертного заключения должны быть отражены сведения о том, когда (время и дата), где (данные об экспертном учреждении), при каких условиях (в судебном заседании или вне его), проводилась экспертиза, кем (фамилия, имя, отчество, занимаемая должность, образование, специальность, ученое звание, экспертная специализация), кто присутствовал при производстве экспертизы. Затем дословно (буквально) воспроизводятся вопросы из постановления (определения) о назначении экспертизы и в случае необходимости разъяснение их экспертом приводится описание поступивших материалов.

В исследовательской части заключения эксперта описываются представленные объекты, излагается ход и содержание исследования по каждому из поставленных вопросов, научные положения и методы в их применении к объектам исследования, сведения об установленных признаках и

качестве исследованных объектов. Кроме того, описываются примененные методы и технические средства, полученные результаты, выявленные признаки и их оценка. В выводах должны содержаться однозначные ответы на все поставленные следователем (судом) вопросы или мотивируется отказ от их решения.

Ответы и выводы эксперта должны полно и точно соответствовать поставленным вопросам. Чтобы не давать повода для сомнений в своей компетентности, эксперты должны точно и полно указать сведения об образовании, специальности, стаже экспертной работы, полностью привести основания назначения экспертизы.

Заключение лингвистической экспертизы оценивается как научно обоснованное, если оно в должном объеме содержит полное описание всех использованных методов анализа текста и их валидности, полученные количественные и качественные результаты, пояснение умозаключений, суждений и логических выводов, которые были сделаны в процессе того, как эксперт формировал определенный вывод.

Допустимость в отношении экспертного заключения заключается также в том, что методы и средства используемые экспертом, должны быть надлежаще тестированы, апробированы, а научные данные, положенные в основу его выводов, должны быть достоверно установлены, а не находиться в стадии разработки или экспериментальной проверки.

Нельзя основывать вывод на данных, не подтвержденных достоверными экспериментальными и статистическими исследованиями. Используемые для получения необходимых результатов методики должны содержать однозначные правила оценки полученных результатов, определения существенности или несущественности различий и принятия решения. Если эксперт не может четко и однозначно изложить в заключении правила или алгоритмы, по которым он действует, это может быть поводом для оценки экспертного заключения как недостоверного, не имеющего доказательственной силы. Неоднозначность применяемого метода может явиться и для недобросовестных экспертов соблазном принимать решение не на основе своего внутреннего убеждения, а под влиянием определенного внешнего воздействия.

В случае, когда заключение эксперта не содержит вывод в категорической форме, суд оценивает его правомерность с учетом характера материалов и примененных методов исследования, а также тех научных положений, которыми оперировал эксперт.

Анализ имеющейся практики производства лингвистических экспертиз показывает, что в экспертных заключениях встречаются недочеты и даже ошибки.

Экспертная ошибка – это не соответствующее объективной действительности суждение эксперта или его действия, не приводящие к цели эксперт-

ного исследования, если и искаженное суждение, и неверные действия представляют собой результат добросовестного заблуждения⁷¹.

Таким образом, экспертные ошибки – это суждения или умозаключения эксперта, являющиеся в отличие от дачи заведомо ложного заключения следствием добросовестного заблуждения.

Ошибки экспертов могут быть процессуального плана, гносеологического и деятельностные (операционные). Процессуальные ошибки заключаются в нарушении экспертом процессуального режима и процедуры производства экспертизы. К процессуальным ошибкам относятся: выход эксперта за пределы своей компетенции, выражение экспертной инициативы в формах, не предусмотренных законом, несоблюдение по незнанию процессуальных требований по оформлению заключения эксперта (в т.ч. отсутствие в заключении эксперта необходимых по закону реквизитов, обоснование выводов не результатами исследования, а материалами дела и т.п.).

Гносеологические ошибки могут быть допущены при познании сущности, свойств, признаков объектов экспертизы, отношений между ними, а также при оценке результатов познания, итогов экспертного исследования. Деятельностные (операционные) ошибки являются результатом осуществляемых экспертом операций (процедур), в неправильном использовании средств исследования или использовании непригодных методов, в получении некачественного сравнительного материала и т.п.

Причины ошибок экспертов могут быть объективными (отсутствие разработанной методики или несовершенство используемых экспертных методов; отсутствие полных данных, характеризующих доказательственную значимость выявленных признаков, устойчивость их отображений в следах и др.). Экспертные ошибки могут быть вызваны также субъективными причинами (профессиональная некомпетентность, упущения эксперта, небрежность, поверхностное исследование, несоблюдение требований методик, игнорирование существенных свойств и признаков объектов). Нередко экспертные ошибки могут быть вызваны определенными чертами личности конкретного эксперта (недостаточной опытностью, слабой подготовкой, самонадеянностью, внушаемостью), состоянием здоровья, эмоциональным состоянием (тревожности, стресса и т.д.). На ошибочность заключения эксперта могут повлиять сами материалы дела, в том числе заключение предшествующей экспертизы и некритическое его осмысление.

⁷¹ Белкин Р.С. Криминалистика: Проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике.– М.: Юридическая литература, 1988; Белкин Р.С., Педенчук А.К. и др. Предупреждение экспертных ошибок. – М.: ВНИИСЭ, 1990; Белов В.Н. Использование признаков письменной и устной речи для проверки отдельных обстоятельств дела // Советская юстиция.– N 20.– 1968, с. 15–16.

Ошибки могут быть обнаружены самим экспертом, следователем (судом), выявлены при производстве повторной экспертизы, в ходе контрольного рецензирования экспертного заключения по поручению руководителя экспертного учреждения, а также специалистом при разъяснении следователю (суду) вопросов, входящих в его компетенцию⁷².

Сложность экспертного исследования речевых произведений обусловлена значительными вариационными отклонениями, свойственными речи любого человека, и зависящими от непредсказуемых факторов: назначения и цели текста, степени знакомства коммуникантов, их эмоционального и физического состояния, других экстралингвистических факторов. Это требует от эксперта обладать не только специальными знаниями в области методов и методик изучения собственно языкового материала, но и в не меньшей мере иметь определенные личностные характеристики: высокую языковую и речевую культуру, совершенное владение языком и знание закономерностей функционирования языка, на котором порожден спорный текст. Эти качества эксперта являются обязательными с точки зрения исследования любого языкового явления (например, отклонения от современной литературной нормы), его правильной интерпретации и оценки возможности его использования при решении конкретной задачи.

В соответствии с существующей классификацией экспертных ошибок одной из наиболее распространенных ошибок процессуального характера является исследование текстов функционального стиля, плохо знакомого эксперту. Следствием этого является завышенная самооценка экспертом собственных знаний в области функционально-стилистических разновидностей русского языка, неспособность квалифицированно судить не только об особенностях смысловых единиц и отклонений из узуса от языковой нормы, но и выявлять их этимологию. В данном случае понятие компетенции эксперта как субъекта экспертизы ограничивается кругом его личных знаний, а не возможностями лингвистической науки.

Так, например, вывод, содержащийся в заключении лингвистической экспертизы о наличии в «обращении» 3. высказывания, направленного на возбуждение расовой, национальной и социальной розни должен быть признан необоснованным, так как сделан экспертом на основании не подтвержденных ссылкой на текст либо проведенным исследованием допущений, а также без учета семантики терминов «расовый», «национальный» и «социальный».

Формулировка «3. ... требует, чтобы российский народ избавился...» употреблена самим экспертом в качестве синонимичной, по его (эксперта) мнению, словам 3. «должен избавиться». Такое допущение, однако, не вытекает из

⁷² Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. – М., 1997.

контекста, условий времени и цели публикации. Выражение «должен избавиться» означает здесь не требование З., а указание на объективно необходимое условие. Однако нельзя исключить и возможность другого истолкования этих слов, предложенное экспертом истолкование слов З. не является единственно возможным. Допустимость иного толкования означает, что предложенный экспертом вариант носит характер предположения, неприемлемого в силу ч. 3 ст. 49 Конституции Российской Федерации и ст. 14 УПК РФ. Слова «требует» и «обещает» использованы экспертом для придания высказыванию З. иного смысла, нежели тот, который вложил в него автор, – в такой интерпретации З. предстает как угрожающая сторона конфликта: требует – значит грозит негативными последствиями в случае неисполнения требования, обещает – значит он (и те силы, которые за ним стоят, от имени которых он обещает) будут сами активной действующей стороной. Фактически происходит подмена понятий, понадобившаяся эксперту для обоснования своих выводов. Утверждение эксперта о возбуждении расовой, национальной и социальной розни вообще не находит оснований в исследованном тексте. В нарушение требований п. 9 ч. 1 ст. 204 УПК РФ в заключении не изложены содержание и результаты исследований по этому вопросу с указанием примененных методик. Экспертом используются термины «расовый», «национальный» и «социальный», однако соответствующий понятийный аппарат в заключении отсутствует. Между тем, без раскрытия содержания этих терминов утверждать, что З. имел целью возбудить расовую, национальную и социальную (все три вида сразу!) рознь нельзя. Никакого обоснования вывода о том, что «обращение» З. направлено на возбуждение расовой, национальной либо социальной розни, в заключении эксперта не приведено⁷³.

Ошибка может иметь место и в случае, когда эксперт пренебрегает системным анализом выявленных признаков. Таким образом, причинами экспертных ошибок могут быть как некомпетентность или непрофессионализм эксперта, так и неразработанность методической базы.

К категории операциональных экспертных ошибок можно отнести использование знаний из области, в которой эксперт не имеет профессиональной подготовки. Выход эксперта за пределы своей компетенции может иметь место и в случае, когда эксперт решает вопросы, не относящиеся к предмету экспертизы, например, вопросы политологии и религиоведения, социальной психологии⁷⁴.

⁷³ Дается в изложении автора. Полный текст Экспертного заключения Ю.А. Костанова по делу Дмитриевского (Нижний Новгород) см. на сайте <http://www.hro.org/docs/expert/>.

⁷⁴ См. типичные ошибки при назначении и проведении судебных психолингвистических экспертиз // Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика. / Под ред. Проф. А.Р. Ратинова. – М.: Юрлитинформ, 2005, с. 229–237.

Логические ошибки связаны с обоснованием вывода аргументами, являющимися по сути правильными, однако из них доказываемое суждение не вытекает. При отсутствии же данных, подтверждающих экспертную гипотезу, почерпнутых из достоверных источников и являющихся достаточными для ее доказательства, действия эксперта могут привести к неверным результатам и в конечном итоге к экспертной ошибке.

Как уже указывалось, причины экспертных ошибок при производстве лингвистических экспертиз могут быть как объективными, вызванными независящими от эксперта обстоятельствами, так и субъективными. Объективные причины появления экспертных ошибок связаны с отсутствием экспертных методик, неполнотой или недоброкачеством представленных на экспертизу текстовых материалов, неправильно подобранным или представленным материалом в качестве сравнительных образцов при решении задач авторизации текста, использованием неапробированных методов лингвистического анализа текста.

К сожалению, следует отметить, что на практике преобладают субъективные факторы: отступление от методологии производства экспертизы, незнание специфики или сущности исследуемого текстового объекта, или его однобокая интерпретация, выход эксперта за пределы своей компетенции.

В случае, если выводы эксперта носят вероятный характер или эксперт мотивированно отказывается от дачи заключения, следователь или суд, прибегая к помощи специалиста, может выяснить, не было ли у эксперта в данных условиях оснований дать категорическое заключение. Заметим, что в экспертном заключении эксперт должен объяснить причины, факторы или обстоятельства, не позволившие ему прийти к категорическому заключению или доводы, по которым эксперт отказался от дачи заключения.

Заключение может быть признано недостоверным в случаях, когда эксперт допускает противоречивые и логически необоснованные выводы при ответе на различные вопросы. Доказательственное значение заключения эксперта определяется обоснованностью и полнотой заключения, научной аргументированностью полученных выводов⁷⁵.

В результате оценки заключения эксперта следователь (суд) может принять одно из следующих решений.

Первое – признать заключение достаточно ясным и полным, относимым, допустимым и достоверным. При этом вызов и допрос эксперта не требуется.

Второе – признать заключение эксперта недостаточно ясным или неполным. Для его разъяснения возможно либо допросить эксперта в порядке ст. 205 УПК РФ, либо назначить дополнительную экспертизу в порядке ст. 207 УПК РФ.

⁷⁵ Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам. – М.: Юристъ, 1995.

Третье – признать, что возникли сомнения в обоснованности выводов эксперта и назначить повторную экспертизу в порядке ст. 207 УПК РФ.

Четвертое – в соответствии с частью первой ст. 88 УПК РФ оценить заключение эксперта как не имеющее отношение к уголовному делу или недопустимое, недопустимое доказательство, полученное в случаях, указанных в части второй ст. 75 УПК РФ⁷⁶, и исключить его из перечня доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве в порядке, установленном ст. 234 и 235 УПК РФ.

Аналогично оценивается заключение эксперта и в гражданских и арбитражных процессах.

Рассматривая проблему допустимости экспертного заключения здесь важно подчеркнуть, что недопустимым будет являться заключение эксперта, полученное не только с нарушением процессуальных требований⁷⁷, но и с нарушением любого федерального закона⁷⁸ в силу примата конституционных предписаний⁷⁹ о недопустимости доказательств, полученных с нарушениями норм права.

Доказательственное значение заключения эксперта определяется тем, какие факты на основе исследования устного или письменного текста установлены, какова их роль, несут ли они информацию, которая позволяет их отнести к прямым или косвенным источникам доказательств. Факты и обстоятельства, устанавливаемые заключением эксперта с категорическим выводом, могут иметь решающее значение для дела, где спорный текст является основным доказательством. Заключение лингвистической экспертизы в подобных случаях подлежит особо тщательной проверке и оценке, так как оно приобретает чрезвычайно важное значение для судьбы всего дела.

⁷⁶ А также части 2 статьи 50 Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.

⁷⁷ Часть 3 ст. 75 УПК РФ.

⁷⁸ Часть 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации.

⁷⁹ Часть 1 ст. 1 УПК РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Совесть – это моральный светильник, озаряющий хороший путь; но когда сворачивают на плохой, то его разбивают».

Георг Вильгельм Фридрих Гегель

В период ломки ценностных ориентиров и привычного уклада жизни людей главной обязанностью государственных органов, рассчитывающих на политкорректное отношение к своим действиям и решениям, становится действие по повышению правовой и языковой грамотности всего общества. Политкорректность предполагает наличие ясно выраженной и последовательно проводимой государственной воли. Отсутствие четкой правовой позиции приводит к тому, что в случае конфликта данный вопрос не имеет предсказуемого решения в правоохранительных органах и в суде. Законодательное регулирование понятия политкорректности публично сказанного Слова позволит обозначить международно-признанную процедуру разрешения спорных, пограничных, конфликтных ситуаций. В этом отношении судебная лингвистическая экспертиза становится одним из наиболее действенных мер по лингвистическому регулированию спорной речевой информации (зафиксированной на любом материальном носителе), имеющей значение доказательства, которая позволяет дать в руки правосудию надежный инструмент не только борьбы, но и профилактики экстремизма во всех его проявлениях и в злоупотреблениях свободой слова.

Таким образом, на сегодняшний день судебная лингвистическая экспертиза является одним из важнейших источников судебных доказательств по делам, возбуждаемым по ст. ст. 280, 282 УК РФ. Можно констатировать, что сейчас данный род судебных экспертиз в целом удовлетворяет потребности правоохранительных органов в ней. Заключение экспертов-лингвистов многократно фигурировали в ходе судебных разбирательств и в целом положительно встречаются судами. Увеличение же числа специально подготовленных экспертов-профессионалов, разработка новых высокоэффективных экспертных методик позволит существенно повысить качество экспертных заключений, сократить сроки производства лингвистических экспертиз и расширить круг решаемых вопросов.

Отсутствие четкой правовой позиции в диспозиции указанных норм лишает не только правоприменителя, но и экспертов надежной, общепринятой всеми, научно обоснованной опоры, что в случае конфликта приводит к непредсказуемости его разрешения в суде. Российское общество, журналисты, правоохранительные органы испытывают давление от неопределенности, порождающей злоупотребления на практике как свободой слова, так и правом на свободу волеизъявления.

Законодательно непротиворечивое регулирование корректного пользования словом в средствах массовой информации дало бы четкие ориентиры для разрешения пограничных конфликтных ситуаций, объективно способствуя профилактике словесного экстремизма.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Пример экспертного заключения ГЛЭДИС

«При изучении наук примеры полезнее правил».
Исаак Ньютон

**ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ
ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ**
Рег. №14127 Главного управления Министерства юстиции РФ по г.Москве от 15.02.2001 г.

129164 МОСКВА а/я 110. Тел. (095) 201-32-42. Факс (095) 201-49-47. E-mail: mivigo@dol.ru.
ИНН 7717118908. Internet: www.rusexpert.ru

ПОДПИСКА

Нам, Галяшиной Елене Игоревне, Мамонтову Александру Степановичу, Трофимовой Галине Николаевне, разъяснены права и обязанности эксперта, предусмотренные ст.55 АПК РФ.

Об ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ предупреждены.

«01» октября 2005 г.

Эксперты:

Е.И.Галяшина
А.С. Мамонтов
Г.Н. Трофимова

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОМИССИИ ЭКСПЕРТОВ

№ 23/11-05

г. Москва

«4» ноября 2005 г.

Время производства экспертизы:

Экспертиза начата: «01» октября 2005 г. в 10 часов 30 минут.

Экспертиза окончена: «4» ноября 2005 г. в 12 часов 30 минут.

Место производства экспертизы: помещение Общественного объединения «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)»: Москва, Зубовский бульвар, д. 4, к. 432.

Сведения об экспертном учреждении: Общественное объединение «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)». Свидетельство о регистрации общественного объединения № 14127 от 15 февраля 2001 г., выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве.

Основания производства экспертизы: определение от 10 августа 2005 г. Арбитражного суда г. Москвы в составе председательствующего судьи Л.В. Ласкина (с участием заявителя – Лебедева С.Ю. по доверенности от 09.01 г., Горчаковой Т.В. по доверенности от 28.11.04 г. №11, заинтересованного лица: Бадашкеева М.Т. по доверенности от 21.12.04 №1/6/4-3348; Новикова Н.И. по доверенности от 25.07.05 г. №1/6041 Старостенко Н.В. по доверенности от 18.10.04 г. №1/6/4-1804 по делу № А40-56619/04-146-130 по заявлению ЗАО «Аргументы и факты» к Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовой коммуникаций и охране культурного наследия о признании незаконным предупреждения.

Обстоятельства дела, установленные судом:

(приводятся дословно из определения Арбитражного суда г. Москвы от 10 августа 2005 г. о назначении экспертизы по делу № А40-56619/04-146-130 с сохранением орфографии и пунктуации оригинала)

ЗАО «Аргументы и факты» обратилось в арбитражный суд с заявлением к Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия о признании незаконным предупреждения о недопустимости распространения экстремистских материалов.

Согласно определению Арбитражного суда г. Москвы от 09.03.05 г. проведена лингвистическая экспертиза, подготовлено заключение ГУ – Российский федеральный центр судебной экспертизы при МЮ РФ от 20.06.05 № 1180/24 по вопросам:

– имеется ли в интервью М.Яндарбиевой «Малика Яндарбиева: «Если эмир решит помиловать, ему это виднее», опубликованной в газете «Аргументы и факты» за №41 от 13 октября 2004 г. «информация, оправдывающая необходимость осуществления экстремистской деятельности»;

– содержится ли в тексте интервью М.Яндарбиевой «Малика Яндарбиева: «Если эмир решит помиловать, ему это виднее», экстремистские материалы.

В связи с возникновением вопросов относительно обоснованности заключения экспертов в целях правильного разрешения спора арбитражный суд первой инстанции считает необходимым проведение по делу повторной комиссионной экспертизы в соответствии с ч.2 ст. 87 АПК РФ».

Назначенная согласно определению Арбитражного суда г. Москвы от 10 августа 2005 г. (о назначении экспертизы по делу № А40-56619/04-146-130) **комиссия экспертов Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС) в составе:**

Галяшиной Елены Игоревны – действительного члена ГЛЭДИС, доктора филологических наук, доктора юридических наук, академика РАЕН, профессора кафедры судебных экспертиз Московской государственной юридической академии (специальность «10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика», стаж экспертной работы 25 лет),

Мамонтова Александра Степановича – действительного члена ГЛЭДИС, доктора филологических наук, члена-корреспондента РАЕН, профессора Государственного института русского языка имени А.С.Пушкина (специальность: «10.02.01 – Русский язык», стаж экспертной работы 13 лет),

Трофимовой Галины Николаевны – действительного члена ГЛЭДИС, доктора филологических наук, профессора Российского университета дружбы народов (специальность: «10.02.01 – Русский язык», стаж экспертной работы 2 года);

произвела повторную комиссионную лингвистическую экспертизу материалов в виде интервью М.Яндарбиевой «Малика Яндарбиева: «Если эмир решит помиловать, ему это виднее», опубликованного в газете «Аргументы и факты» за №41 от 13 октября 2004 г.

На разрешение повторной комиссионной экспертизы поставлены вопросы:

(приводятся дословно из определения Арбитражного суда г. Москвы от 10 августа 2005 г. о назначении экспертизы по делу № А40-56619/04-146-130 с сохранением орфографии и пунктуации оригинала)

– имеется ли в интервью М. Яндарбиевой «Малика Яндарбиева: «Если эмир решит помиловать, ему это виднее» в газете «Аргументы и факты» за №41 от 13 октября 2004 г. информация, оправдывающая необходимость осуществления экстремистской деятельности;

– содержится ли в тексте интервью М. Яндарбиевой «Малика Яндарбиева: «Если эмир решит помиловать, ему это виднее», экстремистские материалы.

На повторную комиссионную лингвистическую экспертизу предоставлены:

– копия предупреждения Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия от 13.10.04 г. №24/1-4\1713 (л.д. 132, т.1);

– копия заявления в арбитражный суд о признании недействительным предупреждения (л.д. 125–126);

– копия отзыва и дополнения к отзыву на заявление от 24.01.05 г. №26/6/4–363 (л.д. 58–60, 63–67);

– копия экспертного заключения №1180/24 от 20.06.05 г. (л.д.102-112, т.1);

– копия отзыва по результатам исследования доказательств по делу от 18.07.05 г. №266/6-4/5819 и копию платежного поручения №1317 от 05.03.05 г., заверенные оттиском штампа судьи «Копия верна», а также Федеральный закон РФ от 25.07.02 г. №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и экземпляр газеты «Аргументы и

факты» за №41 от 13 октября 2004 г. (содержание интервью М. Яндарбиевой «Малика Яндарбиева: «Если эмир решит помиловать, ему это виднее», л.д. 113, т. 1).

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ ЗАКЛЮЧЕНИЯ:

Осмотр представленных материалов.

Исходя из существа вопросов, поставленных в определении суда о назначении повторной лингвистической экспертизы, в настоящем заключении отражены результаты экспертно-исследовательских работ по анализу представленного материала в виде интервью, проведенных на основе специальных лингвистических познаний в пределах компетенции экспертов-лингвистов.

Ниже приводится полный текст интервью М. Яндарбиевой «Малика Яндарбиева: «Если эмир решит помиловать, ему это виднее» «Аргументы и факты» за №41 от 13 октября 2004 г.

Малика Яндарбиева: «Если эмир решит помиловать, ему это виднее»

«МЫ ВЕДЕМ активную работу, чтобы наши граждане вернулись на родину», — заявил на днях глава Совбеза РФ Игорь Иванов, выражая надежду, что вскоре удастся добиться возвращения из Катара двух россиян, обвиненных во взрыве машины бывшего ичкерийского лидера Зелимхана Яндарбиева и приговоренных 30 июня к пожизненному заключению. Сразу после суда появились слухи, что катарский эмир помирует осужденных, но по законам Катара на помилование требуется согласие родственников «пострадавшей стороны».

ВДОВА З. Яндарбиева Малика, после того как интервью с ней изъяли из программы «Намедни», которую впоследствии закрыли, отказывается общаться с прессой. Против ее разговора с корреспондентом «АиФ» были и власти Катара. Уговорить ее на встречу удалось с трудом. В тексте представлены две разные позиции, и мнение М. Яндарбиевой о помиловании россиян вовсе не так позитивно, как нам хотелось бы. Но, что очень важно, вдова не исключает своего возможного согласия. В общем, ситуация непростая. Однако наш читатель сможет сделать свои выводы.

«Я предупреждала «Намедни»

– ГОСПОЖА Яндарбиева, как вы отнеслись к приговору катарского суда, который был вынесен 30 июня двум российским гражданам?

– Я довольна этим приговором. Катарские спецслужбы раскрыли сложную военную операцию, убийц нашли и наказали. Весь мир увидел, что представляет собой Россия. Взорвали невинного человека, отца семейства, который никому ничего не сделал. А смертной казни для этих людей я не хотела, Зелимхана все равно не вернешь.

– Справедлив ли этот приговор? Многие эксперты считают, что ничего не доказано – не был заслушан ни один свидетель защиты, не было никакой экспертизы улик, провели все в рекордно короткие сроки, то есть это был не суд, а судилище.

– Это все неправда. Как можно назвать суд быстрым? Он шел четыре месяца.

– Согласитесь, есть суды, которые продолжают и по два года.

– Напротив, этот суд был бы еще быстрее, потому что доказательства вины России очевидны, но каждый раз его откладывали по просьбе российской стороны. И как это может быть судилищем, если сразу после взрыва нашли ту самую машину, которую видели у мечети, где взорвали Зелимхана? Ее арендовали работники российского посольства на документы гражданина России, который уже выехал из Катара, Афанасьев его фамилия.

– Представители полиции заявили вам, что знают о моем приезде в Катар на интервью: хотя я в Москве об этом никому не сказал. Тем не менее они оказались в курсе того, зачем я сюда прибыл и к кому. Почему раньше, если у Катара такие хорошие спецслужбы, они не узнали о подготовке покушения на вашего мужа?

– Ну, видите ли, это, наверное, невозможно было узнать, они же не боги. Если бы простые люди планировали убийство Зелимхана, они бы их наверняка заранее поймали. Но посольские машины не проверяются, и как им было узнать, если все делалось в посольстве России? Поэтому они не смогли это проследить до взрыва.

– Как вы отнеслись к тому, что интервью с вами было запрещено на НТВ, а после огласки скандала ведущий Парфенов и вся команда «Намедни» уволены?

– Меня это не шокировало. Каждый журналист в России, который старается сказать правду, начиная с Листьева, Холодова, становится жертвой. Когда они меня просили дать интервью, я наотрез отказалась – сказала, все равно им ничего показать не дадут. Да и что я там говорила политического? Просто стихи мужа читала. Но потом я переживала, что люди из «Намедни» потеряли работу, это все-таки их кусок хлеба. Ведь я же предупреждала, что их могут уволить. Но лучше потерять работу, чем совесть.

Звонок в «Норд-Ост»

– В ОКТЯБРЕ 2002 года Зелимхану Яндарбиеву звонил Мовсар Бараев, захвативший заложников во время мюзикла «Норд-Ост». Почему он звонил именно ему?

– Зелимхан тоже этого не понял. Сначала ему позвонил некто, представившийся Теркебаевым. Муж сказал, что голос ему незнаком. И этот Теркебаев говорит: вот, на тебе номер, срочно звони туда. Я как почувствовала что-то, не надо, говорю, не перезванивай! Зелимхан попытался связаться со знакомыми в Турции, Баку, чтобы выяснить, кто это. Все телефоны молчат. И тогда он набрал тот номер. Трубку взяли, и он сразу узнал, кто говорит, это был Бараев Мовсар. Муж возмутился: что вы там делаете, с какой целью приехали в Москву? Он говорит: наша цель, чтобы войска вывели. Зелимхан ему в ответ: не трогайте заложников, это нам только горем вернется, я к вам немедленно вылетаю. Положил трубку, тут же написал заявление и отвез его в российское посольство Максимова, чтобы ему разрешили вылет в Москву. Там сказали: сейчас выходные, мы потом дадим ответ. А на следующий день в Москве пустили газ, и все погибли. Пусть ФСБ обнаружит запись этого разговора, мне нечего скрывать.

– Тут опять может возникнуть вопрос: а зачем тогда Бараев вообще звонил?

– Не знаю, и Зелимхан не знал. Видимо, он всех подряд обзванивал. Лучше уж правда бы обманули, что выводят войска, чтобы люди остались живы, но многим политикам и военным в России эта война выгодна.

– Есть и чеченцы, которым она выгодна. Басаев, например.

– Я бы так не сказала, что ему выгодно с одной ногой бегать по лесам. Он мог бы на курорте отдыхать, не стал же. Он настоящий мужчина, я террористом его не считаю.

– А я считаю.

– Это ваше дело. Вы мое мнение спросили, я вам честно сказала.

– Он взял на себя ответственность за захват заложников на Дубровке. Такие вещи чеченцам популярности в мире и России явно не добавляют.

– Я это понимаю и поэтому осуждаю такие действия. Но нас же никто не слышит! Ирак, Палестина – все освещается: по ТВ крутят круглые сутки. Чечню так не показывают. Конечно, ужасно захватывать театры в чужих городах. А что вы посоветуете?

– Я посоветую их не захватывать.

– И я тоже против того, чтобы захватывать! Но, например, в Америке свобода слова хотя бы есть, там показывали по всем телеканалам, как военные издевались над пленными в тюрьме Абу-Грейб, и сейчас этих людей судят. Кого в России за такие вещи осудили?

– Буданова.

– Прямо уж осудили, видела я его холеную морду.

- Десять лет тюрьмы дали ему.
- Ну я посмотрю, как он эти десять лет отсидит еще. Так что делать чеченцам?
- Сесть и подумать. Может быть, вообще не следовало пытаться жить отдельно? Разве у русских с чеченцами всегда были такие плохие отношения? Вы попросили привезти букварь для вашей младшей дочери, потому что, даже находясь в Катаре, учите ее русскому языку. Почему вы хотите, чтобы она говорила на нем?
- Это странный вопрос. Русский язык прекрасно знал мой муж, и я на нем общаюсь чуть-ли не лучше, чем на родном, так почему же моя дочь не должна знать его? Она уже говорит немножко, из мультфильмов слова выучила. Да, я хочу, чтобы Чечня была независимым государством, но чем больше языков будет знать моя дочка, тем лучше. Вот в Катаре кроме арабского много людей на английском говорят. Я обожаю Лермонтова, Пушкиным вообще зачитываюсь. Русский язык – это великий язык.
- Малика, стоило ли тогда Чечне отделяться? Мы же все равно живем бок о бок, никакими границами нас не разделить. Хотим мы этого или нет – мы рядом.
- Стоило. Просто сейчас мы желаем жить по законам, которые дал нам Аллах, как и положено правоверным мусульманам. Почему Россия так этого не хочет? Да, может, мы в сто раз будем большими друзьями для вас, чем другие государства.

Трудный вопрос

- ВРЯД ЛИ кто в это поверит. Чечне уже давали возможность быть независимой, когда ушли оттуда. И кончилось тем, что чеченцы вторглись в Дагестан. Масхадов оказался не просто слатым президентом, а вообще никаким.
- Я не буду говорить, слабый он, не слабый... Главное, что он тоже сейчас в Чечне находится, а не сбежал. Что же касается Дагестана, то, по-моему, это была специальная провокация, чтобы Чечню заново оккупировать, нас попросту Россия подставила.
- Именно из-за таких действий общественное мнение на Западе уже повернулось к тому, чтобы считать чеченцев террористами.
- Это Россия так хочет представить себе. Запад просто временно закрыл глаза, им невыгодно пока их открывать. Как станет выгодно – сразу откроют.
- К нам в редакцию из Брюсселя передали список лиц, официально признанных террористами странами, входящими в блок НАТО. Там есть и Басаев, и ваш муж.
- Вот! О чем я и говорю. Как я могу осудить Басаева, когда по требованию России и ООН, и НАТО объявили моего мужа международным террористом. А за что? Вы скажете, он тоже воевал в Дагестане или взрывал кого?
- Трудный для вас и для меня вопрос, но... скажите честно: вы будете воспитывать детей в том ключе, что Россия – это враг?
- Нет. Вы меня, конечно, не поймете, но я буду стараться вообще не напоминать о России моим детям. Вычеркну из мыслей и разговоров, я вообще стараюсь не говорить с ними о России после того, что случилось с моим мужем.
- Малика, идут разговоры, что эмир Катара своим указом помилет осужденных 30 июня российских граждан. Но при этом, по законам Катара, для этого нужно, чтобы вы подписали бумагу, что согласны с помилованием. Как вы к этому относитесь?
- Я пока никак к этому не отношусь, потому что мне еще никто об этом ничего не сказал. Эмиру это все виднее, и если он решит подписать помилование...
- ...то вы тоже подпишете?
- Он меня спросит, тогда и посмотрим... Я уже сказала вам, что не желаю ничьей смерти, поэтому, что будет дальше с осужденными, мне уже не важно. Они лишь исполнители, их Аллах уже за все наказал.
- Следует ли это понимать так, что вы подпишете помилование?
- Если эмир обратится ко мне, тогда я над этим подумаю.

Георгий ЗОТОВ, Доха–Москва

Методика исследования

Исследование русскоязычного текста интервью М.Яндарбиевой «Малика Яндарбиева: «Если эмир решит помиловать, ему это виднее» проводилось в соответствии с методиками производства логико-грамматического, лингвостилистического, текстологического, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа русскоязычного текста, рекомендованными к практическому использованию решением экспертно-консультативного совета при председателе правления ГЛЭДИС (опубликованы в книгах «Цена слова». 1–3 издание, М., 2001–2002 гг., а также в материалах научно-практического семинара «Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах». В двух частях. М.: «Галерея», 2002–2003).

Кроме того, учитывались положения, содержащиеся в Методических рекомендациях «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды» НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Российской Федерации (N 27–19–19 от 29 июня 1999 г.) в части использования специальных познаний для решения вопросов, относящихся к компетенции экспертов-лингвистов.

Дефиниция понятий «экстремистская деятельность» и «экстремистские материалы», используемых в формулировках вопросов, поставленных в определении суда о назначении повторной лингвистической экспертизы содержится в ст.1 Федерального закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности» №114-ФЗ от 25 июля 2002 г. При этом следует отметить, что под экстремистскими материалами в законе понимаются предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности. Таким образом, оба вопроса, вынесенные в определении арбитражного суда о назначении повторной комиссионной лингвистической экспертизы, взаимосвязаны и поэтому решались совместно с формулировкой вывода по каждому из них в пределах компетенции экспертов-лингвистов.

Диспозиция ст.1 Федерального закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности» №114-ФЗ от 25 июля 2002 г. включает понятие «экстремистская деятельность» («экстремизм»), определяя его описательно через перечисление разновидностей таковой, включая как собственно террористическую деятельность, так и ее пропаганду. Объективная сторона действий, предусмотренных данной статьей, направлена на оправдание или обоснование экстремизма, что российским законодательством запрещено.

В объективную сторону правонарушения входят, в частности, способ его совершения и обстоятельства, способствующие совершению правонарушения, для установления которых может быть необходимым производство судебной экспертизы. При назначении судебной экспертизы не допустимо ставить на разрешение эксперта вопросы о наличии признаков состава правонарушения, виновности или невиновности лица, форме вины и т.п. В противном случае заключение судебной экспертизы может быть признано не имеющим доказательственного значения, поскольку эксперт, отвечающий на вышеуказанные вопросы, выходит за пределы своей компетенции⁸⁰. Это

⁸⁰ Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, уголовном и административном процессе. – М.: Норма, 2005, с. 223–225; 268–270.

объясняется тем, что в юриспруденции действует презумпция, что судьи знают право, поэтому вопросы права не относятся к числу специальных познаний и не выносятся на разрешение экспертов или специалистов. Вопросы, поставленные перед экспертом, и его заключение по ним не могут выходить за пределы специальных познаний лица, которому поручено проведение экспертизы. Решение правовых вопросов не входит в компетенцию экспертов (см. например Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам»).

Поэтому поставленные в определении суда вопросы исследовались исключительно в пределах компетенции экспертов-лингвистов, то есть путем лингвистического исследования текста интервью в аспекте выявления в нем наличия высказываний, в которых экстремизм или его разновидности упоминаются как явление, выделенная среди них оценочных высказываний, определения семантики и модальности оценочных высказываний (выявление явно выраженной или имплицитной оценки, определение позитивной или негативной направленности оценки), а также формально-грамматической характеристики типа пропозиции.

Таким образом, в ходе лингвистического исследования проводился семантический анализ текста интервью М. Яндарбиевой «Малика Яндарбиева: «Если эмир решит помиловать, ему это виднее» с целью определения смысла и значения семантических единиц, содержащих упоминание явлений, относящихся к экстремистской деятельности;

– лексико-семантический анализ с целью установления лексических значений слов и сочетаний, сопряженных с обозначением словами русского языка явлений экстремизма и его разновидностей;

– проводился семанτικο-стилистический и лингвостилистический анализ с целью установления в тексте наличия оценочных высказываний, содержащих лексемы русского языка, относящиеся к наименованию явлений экстремизма и его разновидностей и определения модальности и знака содержащихся в них оценок (позитивной или негативной).

Общая характеристика текста интервью

Интервью помещено в рубрике «Зарубежье», занимает всю газетную полосу, состоит из трех структурно выделенных частей, снабженных подзаголовками («Я предупреждала «Намедни»; «Звонок в «Норд-Ост»; «Трудный вопрос»), двух врезок с кратким предваряющим пояснением текста статьи, снабжено комментариями «Эксклюзивное интервью из Катара», «только в АИФ», иллюстрировано фотоизображением с подписью «Один из осужденных россиян этапируется из здания суда в Дохе», имеет подпись «Георгий Зотов, Доха-Москва».

Текст «интервью М. Яндарбиевой «Малика Яндарбиева: «Если эмир решит помиловать, ему это виднее» относится к публицистическому стилю и выполнен на русском языке. Этот стиль представлен, прежде всего, в газетах и журналах, адресованных массовому читателю. В них размещаются не только статьи, интервью, репортажи, но и речи, обращения общественно-политических деятелей.

В публицистическом стиле соединены две важнейшие функции: информационная и воздействующая. Публицистика призвана активно вмешиваться в происходящее, создавать общественное мнение, убеждать, агитировать, что определяет такие важнейшие стилиобразующие черты публицистического стиля, как оценочность, эмоциональность.

Функция сообщения (информирования) обуславливает применение как нейтральной (общестилевой), так и функциональной лексики.

Произведения публицистического характера адресованы широкому кругу читателей, главный критерий отбора для них лексики и других речевых средств – **общедоступность**. Кроме того, информационная функция публицистического стиля обуславливает его стилеобразующие черты: точность, логичность, официальность, стандартизованность.

Функция воздействия, важнейшая для газетно-публицистического обуславливает острую потребность публицистики в оценочных средствах выражения. И публицистика берет из языка практически все средства, которые обладают свойством оценочности. Воздействующая функция публицистики ярко проявляется в синтаксисе. Из разнообразных синтаксических средств она отбирает конструкции, имеющие значительный потенциал воздействия. Читатель, пробегаая глазами публикацию, может легко уловить ее главный смысл, если она преподносится в простых, знакомых выражениях. Таким образом, сочетание экспрессии и стандарта – важнейшая черта газетно-публицистического стиля. В прессе **информация** представляет собой совокупность языковых высказываний, облеченных в текстовую форму, о событиях в стране и мире, об отношении отправителя информации к этим событиям.

Процесс информирования предполагает участие в нем **отправителя (субъекта)** информации и **получателя (адресата)** информации. Отправителем информации, как правило, является **говорящий или пишущий**, а получателем – **читатели, зрители, слушатели**. Поскольку информирование в прессе осуществляется в отношении масс (массовая информация), то оно носит **общественный характер**. Говорящий или пишущий имеет **коммуникативное намерение**, под которым понимается цель, коммуникативная установка отправителя сообщения добиться посредством передачи информации определенной реакции получателя сообщения.

Интервью – полифункциональный жанр. К интервью могут относиться тексты новостной журналистики, то есть диалогическая форма представления только что совершившегося или текущего события. Это могут быть аналитические тексты, представляющие диалогическое обсуждение проблемы. Интервью в прессе – это письменный текст, передающий устный диалог и сохраняющий некоторые признаки спонтанной устной речи⁸¹.

Как видно из содержания анализируемого текста интервью Яндарбиевой, его поводом послужило событие, описанное во врезке – стремление российских властей добиться возвращения двух россиян, осужденных в Катаре за взрыв машины З. Яндарбиева. Поскольку, по законам Катара, для помилования требуется согласие родственников «пострадавшей стороны», сквозной темой интервью является отношение вдовы погибшего, М.Яндарбиевой, к возможности помилования осужденных россиян. В ходе интервью М. Яндарбиева выражает собственное отношение, дает свою оценку событиям, так или иначе связанным с гибелью ее мужа и его деятельностью.

Предваряя интервью, журналист подчеркивает, что в тексте представлены две разные позиции, при этом мнение М.Яндарбиевой «о помиловании россиян вовсе не так позитивно, как нам хотелось бы». Задавая вопросы М.Яндарбиевой, журналист стремится занять объективную позицию, и призывает читателей самим сделать вывод («В общем, ситуация непростая. Однако наш читатель сможет сделать свои выводы»). Одна-

⁸¹ Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. – М.: «Флинта», «Наука», 2003, с.216.

ко информация, которую он получает и представляет на суд читателей не может быть абсолютно объективной. Читатель всегда получает интерпретацию информации, как бы ни подчеркивался ее объективный характер. Оценочность – основной стилиобразующий фактор публицистических материалов (Солганик Г.Я. Выразительные ресурсы публицистики // Поэтика публицистики. МГУ, 1990. С. 16.). Она начинает выполнять свою функцию уже на начальной стадии создания текста. Оценочность проявляется в отборе и классификации фактов и явлений действительности, в их описании под определенным углом зрения, в специфических лингвистических средствах. Именно таким образом преобразованную информацию и потребляет читатель. Причем оценка (положительная или отрицательная) задана, она заложена в сообщение, но ее присутствие в тексте может быть неявным, она не навязывается, а исподволь внушается адресату. Адресат вслед за автором воспринимает заданную оценку на суггестивном, эмоциональном уровне, хотя ему кажется, что он самостоятельно пришел к данному оценочному выводу.

Идеологическая установка журналиста (и шире – печатного органа) влияет на структурирование предложенной автором картины мира, на способ отбора и создания речевых средств для выражения мировоззренческой позиции автора. Член-корреспондент РАН Ю.Н.Караулов определяет мировоззрение как «результат соединения когнитивного уровня с прагматическим, результат взаимодействия системы ценностей личности, или «картины мира», с ее жизненными целями, поведенческими мотивами и установками, проявляющийся, в частности, в порождаемых ею текстах» (Язык и личность / ред. Д. Н. Шмелев. М., 1989. С. 6).

Существуют различные лингвистические способы создания оценки, с которыми мы постоянно сталкиваемся в любом политическом материале любого печатного органа, независимо от его идеологической ориентации (разница будет только в знаке оценки: позитивной или негативной). Наиболее незаметным для адресата оценочным способом является внедрение фактологической информации в концептуальную. Умелый подбор фактов, акцентирование только одной стороны явления (нужной автору) и затушевывание другой, а иногда и умолчание помогают рисовать образ события в черных либо в розовых тонах. Оценка может быть имплицитной, т.е. заложенной в сему слова, и эксплицитной, присущей не конкретному слову, а его употреблению. Имплицитные оценки в публицистике – это прежде всего оценочные метафоры, которые призваны организовать общественное мнение, создать у адресата нужный адресанту яркий, зримый образ, также суггестивно влияющий на восприятие информации под заданным углом зрения. Именно оценочная метафора часто становится тем обобщающим, ключевым словом, которое ложится в основу номинации и окрашивает окружающий его контекст, осуществляя деление на основе семантической оппозиции «свое» / «чужое» (где «чужое» всегда со знаком «минус»). В трансформированной подобным образом номинации оценка закладывается не в сему метафоры (такую метафору трудно скомпрометировать), а в окружающий ее контекст.

В исследуемом тексте имеются реплики М. Яндарбиевой, в которых она высказывает свое явно негативное отношение к России:

«Я довольна этим приговором. Катарские спецслужбы раскрыли сложную военную операцию, убийц нашли и наказали. Весь мир увидел, что представляет собой Россия. Взорвали невинного человека, отца семейства, который никому ничего не сделал. А смертной казни для этих людей я не хотела, Зелимхана все равно не вернешь».

Говоря о том, что *«Взорвали невинного человека, отца семейства, который никому ничего не сделал»*, Яндарбиева задает тон положительно-оценочного восприятия образа бывшего чеченского лидера – Зелимхана Яндарбиева, которому противопоставлен негативный обобщенный образ России, виновной, по утверждению Яндарбиевой, в гибели ее мужа и других людей, не дающей говорить людям правду (*«что же касается Дагестана, то, по-моему, это была специальная провокация, чтобы Чечню заново оккупировать, нас попросту Россия подставила»*); *«Каждый журналист в России, который старается сказать правду, начиная с Листьева, Холодова, становится жертвой»*).

Таким образом, ключевые слова «вина России» несут в себе мощный оценочный заряд, именно они организует текст для выражения положительной или отрицательной оценки того или иного события, о котором спрашивает журналист у М.Яндарбиевой.

Как известно, удачно найденное ключевое слово так же способно ориентировать общественное мнение, как, по выражению М.В.Ляпон, «блуждание вокруг денотата» (Ляпон М.В. Оценочная ситуация и словесное само моделирование // Язык и личность. М., 1989. С. 24-33), характерное для эвфемизмов, способно его дезориентировать. Заметим, что тема манипулирования общественным сознанием с помощью эвфемистических перифразов в последнее время находится под пристальным вниманием ученых (Бессарабова Н. Д. Слова-прикрытия в современных СМИ // Журналистика и культура русской речи. Вып.1. М., МГУ 1996. С. 57–69).

В репликах Яндарбиевой наблюдается отчетливое противопоставление двух обобщенных групп: «мы» и «вы». Группа «мы» положительно оценивается Яндарбиевой, группа «вы» – отрицательно. К группе «мы» М.Яндарбиева причисляет себя, ее погибшего мужа, Басаева и Масхадова как представителей чеченского народа, которые ведут борьбу против российских оккупантов и не являются, по утверждению Яндарбиевой, террористами. К группе «вы» Яндарбиева относит обобщенный образ России, который оценивается негативно.

Как известно, смысл связного текста не является механической суммой буквального смысла отдельных высказываний. У текста есть своя структура и грамматика. Особенно существенно то, что называется **анафорическими связями**, то есть пронизывающими текст отсылками к предупомянутому. В анализируемом тексте есть такие связи: «Я бы так не сказала, что ему выгодно с одной ногой бегать по лесам. Он мог бы на курорте отдыхать, не стал же. Он настоящий мужчина, я террористом его не считаю».

Данный прием – анафорические связи – повышает убедительность содержания текста статьи, усиливает категоричность и придает ему завершенность.

Яндарбиева положительно оценивает своего мужа как «невинного человека, отца семейства, который никому ничего не сделал», «которого незаслуженно, исключительно по требованию России, в которой война «многим политикам и военным» выгодна, был объявлен международным террористом».

«Лучше уж правда бы обманули, что выведут войска, чтобы люди остались живы, но многим политикам и военным в России эта война выгодна.

– Есть и чеченцы, которым она выгодна. Басаев, например.

– Я бы так не сказала, что ему выгодно с одной ногой бегать по лесам. Он мог бы на курорте отдыхать, не стал же. Он настоящий мужчина, я террористом его не считаю.

– А я считаю.

– Это ваше дело. Вы мое мнение спросили, я вам честно сказала».

Оценивая Масхадова как президента, М. Яндарбиева, не выражая прямо свое отношение к нему (*«Я не буду говорить, слабый он, не слабый... Главное, что он тоже сейчас в Чечне находится, а не сбежал. Что же касается Дагестана, то, по-моему, это была специальная провокация, чтобы Чечню заново оккупировать, нас попросту Россия подставила»*), тем не менее, имплицитно дает ему такую же положительную оценку, как и Басаеву, на что указывает местоимение «тоже».

В репликах Яндарбиевой М. имеются прямые утверждения, в которых она на словах осуждает захват заложников: *«Я это понимаю и поэтому осуждаю такие действия. ... И я тоже против того, чтобы захватывать!»* Однако эти высказывания помещены в контекст обсуждения событий на Дубровке и сопровождаются высказываниями, начинающимися с противительного союза «но»: *«Я это понимаю и поэтому осуждаю такие действия. Но нас же никто не слышит!»*; *«И я тоже против того, чтобы захватывать! Но, например, в Америке свобода слова хотя бы есть...»*.

Контекст – мощный механизм формирования нужной оценки даже у нейтральной номинации. Оценка закладывается не в сему номинации, а эксплицируется в ее словесном окружении. В контексте реплик Яндарбиевой, в которых международные террористы Басаев, Масхадов и Яндарбиев выглядят невинными жертвами (О Масхадове – *«Я не буду говорить, слабый он, не слабый... Главное, что он тоже сейчас в Чечне находится, а не сбежал»*; о Басаеве – *«Я бы так не сказала, что ему выгодно с одной ногой бегать по лесам. Он мог бы на курорте отдыхать, не стал же. Он настоящий мужчина, я террористом его не считаю»*; о З.Яндарбиеве – *«Как я могу осудить Басаева, когда по требованию России и ООН, и НАТО объявили моего мужа международным террористом. А за что? Вы скажете, он тоже воевал в Дагестане или взрывал кого?»*), а Россия, напротив, предстает как агрессор, оккупант (*«Что же касается Дагестана, то, по-моему, это была специальная провокация, чтобы Чечню заново оккупировать, нас попросту Россия подставила»*), реплики Яндарбиевой о теракте на Дубровке воспринимаются как обоснование (указание на доводы, причины, мотивы действий) террористических действий:

«Лучше уж правда бы обманули, что выводят войска, чтобы люди остались живы, но многим политикам и военным в России эта война выгодна».

– Есть и чеченцы, которым она выгодна. Басаев, например.

– Я бы так не сказала, что ему выгодно с одной ногой бегать по лесам. Он мог бы на курорте отдыхать, не стал же. Он настоящий мужчина, я террористом его не считаю.

– А я считаю.

– Это ваше дело. Вы мое мнение спросили, я вам честно сказала.

– Он взял на себя ответственность за захват заложников на Дубровке. Такие вещи чеченцам популярности в мире и России явно не добавляют.

– Я это понимаю и поэтому осуждаю такие действия. Но нас же никто не слышит! Ирак, Палестина – все освещается: по ТВ крутят круглые сутки. Чечню так не показывают. Конечно, ужасно захватывать театры в чужих городах. А что вы посоветуете?

– Я посоветую их не захватывать.

– *И я тоже против того, чтобы захватывать! Но, например, в Америке свобода слова хотя бы есть, там показывали по всем телеканалам, как военные издевались над пленными в тюрьме Абу-Грейб, и сейчас этих людей судят. Кого в России за такие вещи осудили?»*

Таким образом, указывая на причины террористических действий и их цель – привлечь общественное внимание к политическим проблемам Чечни, – Яндарбиева, осуждая на словах, признает такие действия вынужденными, мотивированными определенными причинами («но нас же никто не слышит»).

Говоря о территориальном устройстве России и ее взаимоотношениях с Чечней, Яндарбиева М. прямо указывает на свое положительное отношение к идее отделения Чечни от России, то есть положительно оценивает нарушение целостности Российской Федерации, говорит об отношениях России и Чечни как двух самостоятельных государств. «– Малика, стоило ли тогда Чечне отделяться? Мы же все равно живем бок о бок, никакими границами нас не разделить. Хотим мы этого или нет – мы рядом.

– Стоило. Просто сейчас мы желаем жить по законам, которые дал нам Аллах, как и положено правоверным мусульманам. Почему Россия так этого не хочет? Да, может, мы в сто раз будем большими друзьями для вас, чем другие государства».

Синтезирующая часть

Проведенное исследование позволило выявить следующие высказывания, которые содержат явно выраженную или имплицитную положительную оценку деятельности лиц, признанных ООН международными террористами, высказывания, оправдывающие нарушение целостности Российской Федерации, а также высказывания, содержащие доводы в обоснование захвата заложников, оправдывающие военное вторжение чеченских боевиков в Дагестан.

Высказывания М.Яндарбиевой, содержащие положительную оценку в отношении деятельности (поступков) международных террористов:

О Масхадове – «Я не буду говорить, слабый он, не слабый... Главное, что он тоже сейчас в Чечне находится, а не сбежал»;

о Басаеве – «Я бы так не сказала, что ему выгодно с одной ногой бегать по лесам. Он мог бы на курорте отдыхать, не стал же. Он настоящий мужчина, я террористом его не считаю»;

о З.Яндарбиеве – «Взорвали невинного человека, отца семейства, который никому ничего не сделал»; «Как я могу осудить Басаева, когда по требованию России и ООН, и НАТО объявили моего мужа международным террористом. А за что? Вы скажете, он тоже воевал в Дагестане или взрывал кого?».

В реплике-ответе на вопрос журналиста «Малика, стоило ли тогда Чечне отделяться? Мы же все равно живем бок о бок, никакими границами нас не разделить. Хотим мы этого или нет – мы рядом» имеется высказывание, обосновывающее нарушение целостности Российской Федерации: «Стоило. Просто сейчас мы желаем жить по законам, которые дал нам Аллах, как и положено правоверным мусульманам. Почему Россия так этого не хочет? Да, может, мы в сто раз будем большими друзьями для вас, чем другие государства».

В реплике на слова журналиста «Вряд ли кто в это поверит. Чечне уже давали возможность быть независимой, когда ушли оттуда. И кончилось тем, что чеченцы вторглись в Дагестан. Масхадов оказался не просто слабым президентом, а вообще никаким» имеется высказывание, оправдывающее чеченских боевиков за осуществление насильственных действий в Дагестане: «... Что же касается Дагестана, то, по-моему, это была специальная провокация, чтобы Чечню заново оккупировать, нас попросту Россия подставила».

Выводы:

1. В репликах М.Яндарбиевой в тексте ее интервью «Малика Яндарбиева: «Если эмир решит помиловать, ему это виднее» в газете «Аргументы и факты» за №41 от 13 октября 2004 г., имеются высказывания, положительно оценивающие деятельность международных террористов, оправдывающие вооруженные действия чеченских боевиков в Дагестане, обосновывающие захват заложников необходимостью привлечения внимания общественности к политическим проблемам, оправдывающие нарушение целостности российской Федерации. Правовая квалификация названной деятельности в качестве экстремистской на основании ст. 1 ФЗ РФ от 25.07.2002 г. №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» относится к компетенции суда, а не экспертов-лингвистов.

2. Правовая квалификация высказываний, положительно оценивающих деятельность международных террористов, оправдывающих вооруженные действия чеченских боевиков в Дагестане, обосновывающих захват заложников необходимостью привлечения внимания общественности к политическим проблемам, оправдывающих нарушение целостности российской Федерации, содержащихся в интервью М.Яндарбиевой «Малика Яндарбиева: «Если эмир решит помиловать, ему это виднее», в качестве экстремистских материалов на основании ст. 1 ФЗ РФ от 25.07.2002 г. №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» относится к компетенции суда, а не экспертов-лингвистов.

Действительный член ГЛЭДИС, доктор филологических наук,
доктор юридических наук, академик РАЕН,
профессор Московской государственной
юридической академии

Е.И. ГАЛЯШИНА

Действительный член ГЛЭДИС,
доктор филологических наук, член-корреспондент РАЕН,
профессор Государственного института
русского языка им А.С. Пушкина

А.С. МАМОНТОВ

Действительный член ГЛЭДИС,
доктор филологических наук,
профессор Российского университета
дружбы народов

Г.Н. ТРОФИМОВА

ПОДПИСИ ЧЛЕНОВ КОМИССИИ ЭКСПЕРТОВ ЗАВЕРЯЮ:

М.В. ГОРБАНЕВСКИЙ,

председатель правления Гильдии,
доктор филологических наук,
профессор, член-корреспондент РАЕН

м.п.

Заключение

Отдела надзора за соблюдением законодательства в сфере СМИ по публикации в газете «Аргументы и факты» № 41 от 13 октября 2004 года интервью с М. Яндарбиевой

«Малика Яндарбиева: «Если эмир решит помиловать, ему это виднее».

13 октября 2004 года в № 41 газеты «Аргументы и факты» было опубликовано интервью с Маликой Яндарбиевой – вдовой бывшего ичкерийского лидера Зелимхана Яндарбиева. Поводом для интервью с М. Яндарбиевой стало решение катарского суда, признавшего двух россиян виновными во взрыве машины З. Яндарбиева и его смерти. Суд приговорил их к пожизненному заключению.

Комментируя решение суда, М. Яндарбиева заявляет о том, что благодаря этому решению «миру увидел, что представляет собой Россия», и затем добавляет – «доказательства вины России очевидны». Ни на чем не основанные и очень серьезные обвинения в адрес Российской Федерации остаются незамеченными газетой. Бравший интервью у М. Яндарбиевой Г. Зотов даже не попытался не согласиться с ней или поправить своего собеседника.

Такое начало не могло не иметь продолжения.

В той части интервью, которая имеет подзаголовок «Звонок в «Норд-Ост», редакция газеты предоставила возможность М. Яндарбиевой оправдывать необходимость экстремистской деятельности. Именно так можно понимать утверждение Яндарбиевой о том, что Басаев не террорист, а «настоящий мужчина», вынужденно ведущий войну с Россией, вынужденно организовавший захват заложников на Дубровке, и убивающий женщин и детей. Он делает это от отчаяния из-за того, что чеченцев «никто не слышит!» и Чечню не показывают по телевидению так, как показывают Ирак и Палестину с их проблемами.

Видимо, поняв, что сказано несколько больше, чем нужно, госпожа Яндарбиева заявляет: «Конечно, ужасно захватывать театры в чужих городах.». Но тут же задает вопрос: «А что вы посоветуете?». Казалось бы, сначала интервьюируемая пытается высказать свое негативное отношение к действиям террористов, но, по нашему мнению, ее вопрос в контексте всей предыдущей публикации и, конечно же, в контексте конкретной утвердительно-вопросительной фразы напроць опровергает ее первую, якобы осуждающую террористов часть. Лицемерно осуждая действия террористов, госпожа Яндарбиева не видит другого пути кроме «захвата театров в чужих городах».

Комментируя опубликованный в Брюсселе список лиц, официально признанных террористами странами, входящими в блок НАТО (в этот список вошли Басаев и Яндарбиев), Малика Яндарбиева еще раз заявляет, что не может осудить Басаева. То есть, иными словами, оправдывает действия террориста номер один в России, взявшего на себя ответственность за многие зверства и страшные террористические акты.

Исходя из вышеизложенного, на наш взгляд, можно сделать вывод о том, что в интервью с М. Яндарбиевой «Малика Яндарбиева: «Если эмир решит помиловать, ему это виднее», опубликованном в газете «Аргументы и факты» № 41 от 13 октября 2004 года содержится информация, оправдывающая необходимость осуществления экстремистской деятельности.

В соответствии со ст.4 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» не допускается использование средств массовой информации для осуществления экстремистской деятельности. В соответствии со ст.11 Федерального закона от 15.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» запрещается распространение через средства массовой информации экстремистских материалов.

Таким образом, редакция газеты «Аргументы и факты», опубликовав интервью с М. Яндарбиевой «Малика Яндарбиева: «Если эмир решит помиловать, ему это виднее», в котором содержатся экстремистские материалы, нарушила вышеуказанные положения Федеральных законов.

Начальник Отдела надзора
за соблюдением законодательства
в сфере СМИ Россохранкультуры

Н.И. Новиков

**Научно-методический совет
при Правлении Гильдии лингвистов-экспертов
по документационным и информационным спорам**

Научно-методическое издание

Елена Игоревна Галяшина

**ЛИНГВИСТИКА
VS
ЭКСТРЕМИЗМА**

**В помощь судьям,
следователям, экспертам.**

Отв. редактор – проф.М.В.Горбаневский

*Компьютерная верстка – А.Ю.Фролова
Корректурa – С.П.Аксенова
Дизайн обложки – В.Г.Сергиенко*

Издательство «Юридический Мир». 105064, Москва, ул. Земляной Вал, д. 38-40.
Подписано в печать 27.12.2005 г. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ.л. 6,0. Тираж 1500 экз. Заказ № 96.

Отпечатано в типографии ООО «ИПФ «Гарт», г. Москва, ул. Антонова-Овсеенко, 13.